

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

КРЫЛАТКОЕ

Дмитрий Николаевич Дашко
Кремль 2222. Крылатское
Серия «Кремль 2222»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18222602
Кремль 2222. Крылатское : [фантастический роман] / Дмитрий Дашко.: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-096318-8

Аннотация

Его отец – бывший кремлевский дружинник Добрыня, ныне староста крепости Крылатское. Его мать – мутантка-телекинетик, прекрасная и опасная, как постъядерная Зона. Но сам он обычный парень по имени Нечай, ничем особенным не выделяющийся среди своих сверстников, таких же, как он, рядовых бойцов Крылатского.

Однако душа просит подвига, а сердце стремится в небо. Всю жизнь Нечай мечтал о свободном полете, завидуя крыланам и рукокрылам, парящим над сожженной Москвой, и понимая, что мечта эта несбыточна.

Но однажды отец Нечая узнает, что Крылатскому грозит опасность: несметные полчища шайнов готовятся к самому масштабному вторжению со времен Последней войны. Кого же послать в Кремль за подмогой? Конечно, того, кому он доверяет как самому себе, – своего сына Нечая. Ибо подозревает Добрыня, что среди жителей крепости затесался предатель...

Нечай отправляется в Кремль за подмогой. Но непростое это дело – добраться до центра Москвы, кишящей мохнатыми нею, жуткими дампами, коварными шамами и кровожадными биороботами. И поневоле приходит мысль: для достижения большой, настоящей цели необходимы надежные крылья...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

КРЕМЛЬ 2222

Дмитрий Дашко Кремль 2222. Крылатское

*Светлой памяти Алексея Волкова, писателя, боевого офицера и
просто настоящего человека посвящается!*

Автор выражает благодарность Дмитрию Силлову за созданный им мир «КРЕМЛЯ 2222», о котором интересно читать и писать!

Большое спасибо моему первому читателю Алексею Липатову, модератору официальной группы проекта «Кремль 2222» <https://vk.com/officialgroupkreml2222>. Если Вы всё ещё не вступили в эту группу, самое время наверстать упущенное.

Пролог

Считается, что удар в прыжке – штука ненадёжная. Но выскочивший будто гриб из-под земли тип в чёрном доказал, что это не так. Взвился в воздух ракетой и свалил сразу двух дозорных, только подошвы сапог сверкнули. Скакнул так, словно был на пружинах. А приземлившись, пошёл крутить сальто, не давая третьему дозорному, парню по имени Колыван, взять себя на мушку.

– Что ж ты вертлявый такой! – взвыл тот от досады.

Нога чёрного разрезала воздух, и ружьё Колывана полетело в одну сторону, а он в другую. Вот только парень прогуливал не все занятия по рукопашному бою, кое-чему поднабрался и потому сумел оказаться на ногах.

– Не ожидал, урод?

Тип внезапно замер, зажав руки по швам и поклонился.

– Ты чего? – изумился парень.

Взгляд его упал на ружьё, оно валялось в двух метрах, практически рядом. Можно успеть! Дозорный трезво оценил свои возможности: против него вышел мастер, схватка с которым рукопашную обречена на поражение.

Чёрный правильно истолковал намерения Колывана, бросился наперерез. Врёшь, не возьмёшь! Колыван нырнул в сторону ружья ласточкой, вытянув руки вперёд. Пропахал животом по бугорку и почти успел... До приклада был сантиметр-другой, вот только в этот самый миг башмаки чёрного, которые лишь с виду казались мягкими, угодили ему по пальцам, едва не размозжив кости.

Колыван взвыл от нестерпимой боли. Однако сумел извернуться, схватил противника за ноги пониже коленей и дёрнул на себя. Оказывается, Ньютон не ошибся, когда придумал свой закон всемирного тяготения. Все тела падают на матушку-Землю, не только яблоки.

Тип грохнулся крайне «удачно»: затылком об сколотый булыжник. Острый срез вошёл прямо в мозг. Чёрный умер моментально.

Колыван поднялся, перед глазами плыло. Шатаясь подошёл к товарищам, проверил пульс. Сомнений не осталось, оба мертвее мёртвого.

В этот миг удавка захлестнула его шею, что-то хрустнуло, и парень обмяк. Распухший язык вывалился из открытого рта.

Очередной незнакомец в чёрном, незаметно подкравшийся к Колывану со спины, спрятал шнур в маленькую поясную сумку. Подошёл ещё один, укоризненно покачал головой, произнёс гортанно:

– Зачем ты так поступил, Абет? Этот батыр храбро сражался и заслужил благородную смерть.

– Оживи его, и тогда я убью по-другому, – отозвался тот, кого назвали Абетом.

– Я воин, а не шаман. Тебе это прекрасно известно.

– Тогда не вмешивайся. Дозорных мы убрали, путь к деревне открыт.

– Что будем делать с Тайжаном? Бросим тут?

– Вернёмся за ним, когда с деревней будет покончено. Тебе придётся самому нести дурную весть родичам Тайжана. Ты плохо его учил, если этот батыр смог с ним справиться.

– Абет, это русские. Они всегда полны сюрпризов.

– Ничего страшного. Сегодня наша очередь устроить им сюрприз, – сказал Абет и недобро ухмыльнулся.

Деревня Пойменная гудела как растревоженный улей: жители собирались в Комплекс на ярмарку. Мужики с самого утра грузили телеги, дабы было чем расторговаться

или пустить на обмен. Бабы и девки прихорашивались, надевали лучшие наряды, румянили щёки, подводили глазки. Глядя на разнаряженных и покрашенных молодых, старики ворчали, что молодёжь совсем отбилась от рук. Дескать, в их время всё было по-другому.

Детвора носилась как угорелая, ведь родители обещали взять с собой, и ребятня была на седьмом небе от счастья.

Шум и гвалт стоял такой, что часовые, охранявшие деревню, только головами качали. Десятник Билуг сбился с ног: вместо того, чтобы бдительно наблюдать за подступами, парни на вышках всё больше таращили глазки на деревенских красавиц.

Взять, к примеру, Воропая. И жена есть у него, и детишек двое (третий на подходе), а этот охальник позабыл всё на свете: так и сверлит взглядом соседскую дочку – красавицу Усладу, помогавшую матери перекладывать узлы с поклажей на телеге. Девка, конечно, на загляденье: ядрёная, пышная, с нравом озорным, на неё многие мужики облизываются. Да и сам Билуг при встрече не раз восхищённо причмокивал. Но служба есть служба! Когда стоишь на вышке, смотри за тем, что снаружи творится, а не внутри.

Билуг погрозил Воропаю кулаком. Только зря время потратил, тот словно зачарованный вперился в одну точку (аккурат пониже спины Услады), никакой реакции.

Ладно, решил десятник, у кого-то, кажется, есть парочка лишних зубов, но ситуация исправима. Он подошёл к приставной лестнице, убедился, что ступеньки крепкие, выдержат его немалый вес (за последние пять лет Билуг закабанел, весил почти восемь пудов, однако былой хватки не потерял, по-прежнему мог располовинить неприятеля мечом), и принялся взбираться наверх.

Кряхтя подошёл к Воропаю, прикидывая, что с ним сделать, как наказать. Богатая фантазия подсказывала несколько заманчивых вариантов.

Билуг тронул часового за плечо. Странно, парень стоял словно вкопанный. Чужое, десятник развернул его лицом к себе. Глаза Воропая остекленели, он не дышал, а на лице замерла гримаса такого ужаса, что Билуг едва не оттолкнул мертвеца от себя.

И почти сразу почувствовал присутствие постороннего. Позади что-то прошелестело, еле слышно, словно ветка качнулась на ветру, однако десятник среагировал моментально: выставил труп в качестве щита и потянулся за кинжалом (вытащить длинный меч он не успевал). И тут что-то кольнуло его в шею. Тело, такое родное и привычное, перестало слушаться, налилось свинцом, рот судорожно хватал воздух, которого всё сильнее не хватало. А потом пришла смерть.

Незнакомец, который словно возник из ниоткуда, успел подхватить тушу умиравшего десятника, без особого труда выдержав немалый вес, отставил стремительно деревенеющий труп в сторону и показал кому-то невидимому знак в виде колечка из большого и указательного пальца.

На стене появился ещё один такой же человек, гибкий как тростинка и стремительный, словно метеорит.

На обоих были тёмные бесформенные одеяния, скрывавшие фигуры и размывавшие их силуэт. Обменявшись несколькими только им понятными знаками, незнакомцы без единого звука вытащили из ножен мечи с чёрными лезвиями и с ловкостью акробатов спрыгнули вниз, оказавшись подле телеги с поклажей.

Приземление прошло столь мягко, что женщины даже не обернулись. Обе они, Услава и её мать, умерли мгновенно. Убедившись, что с невольными свидетелями покончено, убийцы метнулись в разные стороны: один налево, а другой направо.

Каждый, кто оказывался у них на пути, умирал. Убивали незваные гости безжалостно, не щадя даже малых детей.

Защитники Пойменского пытались дать отпор, но куда им, простым мужикам, не особо искусённым в воинской науке, против двух головорезов, владевших неизвестным боевым искусством.

Вот парень с копьём наперевес бросается на чёрную фигуру. Та с лёгкостью уклоняется, лезвие устремляется вверх, а потом столь же стремительно падает вниз, вместе с ним на землю летит отрубленная голова копейщика.

Часовой на вышке водит здоровенной пищалью, пытаясь выцелить нужную мишень, это ему едва удаётся: он боится зацепить своих, к тому же убийцы слишком быстро перемещаются. Но, кажется, есть шанс угодить точно в цель, палец ложится на спусковой крючок, но выстрела не раздаётся. Второй головорез успеваает метнуть нож, который, мелькнув как молния, впивается стрелку в висок.

На метнувшего наваливается целая толпа разгневанных мужиков: у многих и толкового оружия-то нет, так, что под руку попало: дубины, дреколье. Но гнев плохой советчик, атаковавшие погибают мгновенно.

Меч в руках незнакомца творит чудеса, с лёгкостью отрубая конечности, головы, пронзая грудные клетки. Кровь льёт фонтаном, обгряя деревенские постройки. Лицо рубаки скрыто под маской, видны только чуть раскосые хищные глаза. В них хладнокровное презрение и лёд.

Убийца слишком хорош для тех, кто с ним сражается. Деревенские привыкли к иному врагу, не столь быстрому и искусному. Знаменитые мечники дампов просто жалкие щенки по сравнению с парочкой в чёрных балахонах.

Убийцы вихрем проносятся по деревне, становится ясно, что их главная цель – единственные ворота поселения. Возле них собранный на скорую руку отряд, всё, что смогла выставить местная самооборона, которая за считанные секунды лишилась половины состава. Лишённые командиров бойцы топчутся на месте, даже не подумывая о том, чтобы собрать спасительный строй.

Три стрельца заряжают пищали и вскидывают оружие сразу, как только видят бегущие на них чёрные фигурки с занесёнными мечами.

Бахает выстрел, окутывая всех облаком дыма. Но дым рассеивается, и становится ясно: убийцы словно заговорённые, залп ушёл мимо, а на второй времени уже нет.

Дюжина пойменских ратников в дедовских доспехах бросается на две чёрные фигуры...

Глава 1

Названные братья смотрели на меня как на дурака. Собрались все, с кем я дружил ещё с детства: и патлатый Витко с вечно расцарапанными щеками (это ему сёстренка младшая прикурить даёт, дерётся с ним по любому пустячному поводу), и Жилка, смуглый, с добродушным круглым лицом и столь же округлившимся животиком, беспокойный малый, который не может спокойно стоять, а потому если не подпрыгивает, то переминается с ноги на ногу. Ну, и Ероха – мой закадычный друг, корешок, с которым мы вечно влипали в разные приключения, а потом отмачивали поротые задницы в речной воде.

И вот теперь они вылупились на меня так, словно я собрал их и публично объявил, что я – девчонка.

– Ты что, Нечай, с дуба рухнул? – озвучил общее мнение рыжий Ероха.

Ветер развевал его непокорные вихры цвета ржавчины.

– Я тебе шаз покажу «с дуба рухнул!» – обиделся я.

– Да ты не кипятись! Лучше скажи, какого лешего тебя на Круг понесло? Всё время стороной обходил, а тут – здрасьте, приехали! Сам вызвался...

Я пожал плечами. Кругом у нас в Комплексе называют место, на котором проходят схватки бойцов-поединщиков. Раньше я и впрямь туда заходил, только чтобы поглазеть, а сегодня... Сегодня со мной что-то произошло. И рад объяснить что, да не могу, слов подходящих нет. Будто другой в мою шкуру вселился и стал за меня решать. Умом понимаю, что делаю, а изменить не могу. Когда на ярмарке желающих в поединке сразиться искали, руку в числе первых поднял. И что странно – мне понравилось. Словно всю жизнь ждал.

Названные братья от удивления в осадок выпали. Стояли, глазами хлопали. Видимо, с новой стороны меня открыли. Из ступора вышли только после жеребьёвки.

На Кругу всё по-честному, кому и с кем драться, решает случай. Бойцы по очереди запускают руку в мешок, в котором сложены разномерные палочки с нарезками. Те, у кого количество и вид нарезок на жребии совпадают, бьются друг с другом. Меняться строго запрещено.

Победители получают награду – по две банки тушёнки. Тушёнка довоенная, в промасленных банках со складов длительного хранения. Двести лет ей и ничего, только вкуснее стала! Умели предки как там его... о, вспомнил – консервировать!

Запела труба, созывая публику и бойцов к Кругу.

– Пора!

Я обнялся с названными братьями. Поединок есть поединок, всякое может приключиться. Убитых не припоминаю, но калечить – калечили. Одному ополченцу на моей памяти в прошлый раз руку сломали, до сих пор с лубком ходит: кость неправильно срастается, лекари замучились заново ломать.

– Нечай, – попросил Ероха, – ты, это самое... Ну, ты меня понял?

– Да понял я, понял, – улыбнулся я. – Буду беречь себя. Ты это сказать хотел?

– Угу, – подтвердил Ероха. – С кем дерёшься, знаешь?

– Не-а. Вы позвали, не успел проверить.

– Это дело поправимое. Ладно, беги, пока трубач себе щёки не порвал. Удачи!

– Спасибо, братцы!

Я кинулся к Кругу.

Надо сказать, что нечасто его у нас проводят, только по большим праздникам, а их – раз-два и обчёлся. Самый главный – ярмарка. Уже от названия настроение поднимается! Вкусное слово, праздничное.

Благодаря ярмарке Комплекс в силу вошёл, из-за неё с нами считаться начали.

Давно подмечено, что тот, кто у себя торговлю наладил, сохранность людей и товаров обеспечил, – тому лучше всех живётся. Сам богатеет и другим даёт, если не жадный. А жадных в Комплексе сроду не водилось!

Хорошо на ярмарке,людно, шумно. Со всех окрестностей гости торговые пожаловали. И покупателей вдосталь, ходят, прицениваются, спорят. Торговля идёт – дым коромыслом! Народищу... Я половину лиц впервые увидел!

В других краях торги проводят в Мёртвых зонах, но у нас по-своему получилось: обустроили прямо в стенах Комплекса площадь, назвали Торговой. Сараев и амбаров для купцов понаставили, ряды сколотили, навесы всякие. Купцы в своих шатрах-палатках живут или в избах ночлежных. Покупатели в домах у местных останавливаются.

Всё продумано, лишь бы гости дорогие хорошо себя чувствовали. Отец в этом плане строгий, купцов обижать не позволяет.

Одно плохо: маркитанты по сию пору не прибыли. Странно это, не похоже на них. Обычно за день до открытия тут как тут. Это у них в крови: нарочно подгадывают, чтобы места получше занять и почву прощупать. Цена на месте не стоит, то растёт, то падает.

Конечно, и без них есть чем торговать. Вот только товар у маркитантов особый, у других такого не купишь. Правда или нет, но говорят, что берут они его с древних складов, где предками хранились запасы оружия, обмундирования, еды и прочих крайне необходимых вещей. Большая часть, конечно, в негодность пришла, но маркитанты научились многое восстанавливать.

Где ярмарка, там и веселье. Народ до зрелищ всегда охоч. Когда все остальное время ничего, кроме трудов, не видишь, то хоть на праздники отдохнуть. Развлечений немного: скорморохи представления дают, фокусники люд дурят, чревовещатели потешают. Зверьё дрессированное бывает. Пару раз таких страхолюдин привозили, что люди шарахались, на стены лезли. Кто-то поседел, а одна родила с испугу.

У баб, кстати, свои забавы, они к гадалкам бегают. Про суженых-ряженых выведывают, о здоровье спрашивают, долгой ли жизнь будет. Самое смешное – верят!

Но есть одно развлечение, которое больше всех публике приглянулось. Круг. Место, где мужчины силой и умением меряются. Столько людей собирается – яблоку некуда упасть.

Вот и сегодня зевак море. Обступили, толпятся! Пришлось изрядно поработать локтями, прокладывая дорогу. Окрики и слова не действовали – авторитета у меня с гулькин нос. Свои ещё ладно – пропускают, а приезжие ворчат, пихаются.

Где тишком-бочком, а где с усилием, я протиснулся к Кругу, встал в шеренгу бойцов. Покрутил головой, насчитал десять человек, включая меня, – значит, будет пять поединков. Нормально, в самый раз.

Все ждали дядьку Акима. Он всегда к началу схваток приходит.

Ага, вот он! Знакомая ковыляющая фигура. Перед ним расступались, уважительно пропуская. В руках у дядьки посох. Палка палкой, мало ли таких, однако в действительности посох в Поле Смерти прожжён. Как железный стал – хрен сломаешь!

Я, как посох увидел, сразу поёжился. Мороз по коже! Готов поспорить – многие испытали похожие чувства: посохом дядька владел виртуозно. Не стеснялся применять, уча умуразуму. Все юнаки-ополченцы испытали на собственных хребтах его воспитательное воздействие. И я не исключение. Перепадало, что уж там. За дело, само собой. По пустякам дядька не свирепствовал.

Встав перед нами, Аким провёл рукой по окладистой бороде и зачем-то поднял посох. Все, кто был поблизости, отшатнулись: вдруг ударит?

Провинности и грешки за каждым водились, а дядька Аким обладал редким даром их находить. Нюх... просто звериный. Некоторые за спиной дядьку колдуном звали. Только зря, конечно. Никакой он не колдун! Просто многое повидал человек, опыта на десятерых хватит.

За то мой отец его и ценит. Часто зовёт к себе, советуется. И правильно: лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Кем-кем, а дураком дядька точно не был.

Постояв с поднятым посохом, дядька Аким резким движением упер конец палки в землю и прочертил широкий круг. Распрямившись, оглядел творение рук своих. Результат ему понравился. Дядька довольно крикнул.

Лет десять назад, в годы моего детства, был он бравым ополченцем, никого и ничего не боялся, принимал участие во всех вылазках. Теперь же приставлен к новобранцам, да и чем ещё заниматься мужику, у которого вместо ноги – деревяшка, а на правой руке половину пальцев будто корова языком слизнула?

На Круге у него обязанности судьи. Судит по-честному, поблажек ни своим, ни чужим не даёт. Мировой дядька!

– Значит так! – заговорил Аким. – Круг видите? Вышел за круг – пеняй на себя. Бой проигран. Всем ясно?

– Всем, дядя Аким, – в разноголосицу ответили мы.

– То-то! – ухмыльнулся он. – Теперь остальные правила: друг другу не калечить, за волосы не хватать, по причинным местам не лупить. Драться до первой крови, либо до пощады. Выбирайте сами по обоюдному согласию. Кто разжигать будет? Есть желающие?

– Есть, – сказал я.

– Нечай?! – удивился он.

– А что, дядя Аким? Нельзя, что ли?

– Почему нельзя?! Можно, – пожал плечами наставник. – Только...

– Что только? – спросил я, догадываясь, какие мысли сейчас бродят в голове дядьки Акима.

Как же, сын старосты, самого Добрыни! И ведь что самое смешное – когда он меня по хребтине посохом обхаживал, на эту тему вообще не заморачивался, а тут вдруг задумался.

– Ничего, – махнул рукой дядька Аким, отгоняя сомнения прочь. – С кем по жребью биться выпало?

– Не знаю. Выяснить не успел.

– Кхм... А ну, жребий покажь. Сейчас разберёмся.

Я передал ему жребий – палочку с двумя насечками.

– Вот! Держите, дядя Аким.

– У кого ещё такой? – спросил он, показывая жребий. – Короткий, две насечки...

– У меня, – басовито отозвались справа.

Я скосил взгляд в сторону говорившего и ахнул. Повезло так повезло! Мне предстояло драться с Чубарем – здоровенным детиной, приехавшим в Комплекс на смотр ополченцев.

Родом из дальней пограничной крепостицы, приглянулся бате, когда тот с проверкой по рубежам мотался. В ополчении людей не хватает, а тут в самой что ни на есть глуши пропал парень, высокий, сильный, кровь с молоком. Ростом с моего отца, может, на полпальца пониже. А поскольку выше бати в Комплексе никого нет, ясно, почему он на Чубаря глаз положил.

Отец богатырей привечал. Давно лелеял мечту сделать из них войско наподобие кремлёвской дружины. Могучее и непобедимое.

– Выходи в круг, Чубарь! – велел дядька Аким. – И ты, Нечай, не стесняйся. Давай, коль вызвался.

Мы встали друг напротив друга. Тут-то и выяснилось, что ни в какое сравнение с Чубарем я не шёл. Проигрывал по всем статьям. Роста среднего, телосложения худощавого... Сопля соплей!

Чубарь окинул меня презрительным взглядом, недовольно поджал нижнюю губу.

Он словно не знал, что внешность бывает обманчивой. Взять, к примеру, меня. Я хоть и тощий, да жилистый. А где силой взять не смогу, так ведь еще такая штука, как ловкость, имеется. Нам, ястребкам, ряху отъедать или брюхо отращивать нельзя. Вдруг крыло не поднимет?

«Крыло» – это по-простому, по-научному называется «дельтаплан». Только научные словечки у нас не в ходу. Да что уж... на весь Комплекс хорошо, если с полсотни народу всерьез письму обучены! Нет ни времени, ни учителей. Да и книг, если честно, фактически не имеется. Вся библиотека из сотни томов состоит, и то, треть из них дельные, а две трети – непонятно о чем. Умей, не умей... Разве что считать худо-бедно умеют, а кое-кто и то на пальцах.

Хорошо отец меня постоянно к знаниям приохочивает. У него ведь не голова, а ума палата, а в ней столько всего, что диву дашься. Благодаря отцу у меня словарный запас другим на зависть.

– Как драться будете? – спросил дядька.

– До первой крови, – опередил меня Чубарь.

Я кивнул. До крови так до крови. Мне всё равно.

– Ты это... как там тебя... Нечай! Не обижайся, если зашибу, – с деланным сочувствием произнёс Чубарь.

Вот, блин, скоморох! На публику рисуется. Мол, сделал всё, что мог, предупредил, остальное – не его забота.

– Да что там! Не обижусь, – заверил я.

С ростом и статью у меня не сложилось. Не скажешь, что Добрыни-старосты сын. Батя по палатам пригибаясь ходит, а то б всю голову поразбивал, и всё равно регулярно шишки набивает! Потолки на него не рассчитаны. Говорит, что я в мать породой пошёл, упокой её душу светлую! Погибла она, когда мне чуть больше годика было. Только-только от титьки оторвался. С той поры семнадцать лет миновало.

Чубарь стащил с себя холщовую рубаху, остался в одних штанах, подвязанных тесёмками. Поиграл мышцами, порадовал баб и девах. Те замлели, будто мужика никогда раньше не видели!

Пока он играл на публику, я разоблачился до пояса, размял руки-ноги. И спиной ощутил на себе чей-то взгляд. Обернулся, чтобы встретиться взглядом с Варей.

Она при нас, ястребках, лекаркой служит. Девка видная. Глаза большущие, коса до пояса, с мою руку толщиной, на щёчках ямочки. А фигурка! Эх, да как красоту такую опишешь! Картины с неё рисовать надо, раньше люди занимались и таким делом, им не только выживать приходилось, вот только я не художник.

А она на меня смотрит, пока подружки Чубаря глазками едят. И от этого взгляда у меня душа до небес как «крыло» взмывает!

Раньше я при ней робел, в словах путался, потел – хоть выжимай. А тут, откуда только взялось: такие наглость и уверенность проснулись! Даже подмигнул ей.

Варя фыркнула, отвернулась, прикинулась, что не было того взгляда. Мне не в обиду! Понял, что за меня переживает, только виду не показывает. Фасон держит!

Кстати, Чубарь, окончательно за соплю меня принял. Даже разминаться не стал. На холодную бороться решил. Ну-ну... сам виноват. Нечего носом крутить да свысока посматривать. Вдругоряд наука будет.

– Руки друг другу пожмите, – велел дядька Аким.

Чубарь с превеликим удовольствием сплющил мою ладонь. Пальцы будто попали под пресс. Дорого мне обошлась «естественная» улыбочка, но слабость показывать нельзя.

– Удачи тебе, брат Нечай, – произнёс Чубарь, пристально глядя на меня.

На его лице появилась глумливая улыбка. А вот это зря, брат Чубарь! Что бы ни думал о противнике, не показывай. Пусть в неведении остаётся. Меня презрением не возьмёшь, только раззадоришь.

– И тебе удачи, брат Чубарь, – ответил я.

Твёрдо так сказал, со значением.

Церемонии закончены. Впереди самое главное. То, ради чего собралась толпа.

– Начинайте! – рявкнул дядька Аким. – Люд честной заскучал.

Мы приняли боевые стойки. Вернее, я принял, а Чубарь лениво повернулся ко мне в пол-оборота. Сразу видно, что с опытным бойцом дела не имел. Гонял лишь своих деревенских.

От дядьки Акима ничего не скроешь. Он воробей стреляный, сразу всё понял.

– Ну-ка, Нечай, покажи этому охламону, где раки зимуют!

Тут-то Чубарь и взбеленился. Кому приятно, когда тебя «охламоном» кличут?! Кто хочешь заведётся, глаза кровью зальёт да землю грызть станет.

– Чубарь, давай по-быстрому свали этого задохлика и пошли брагу пить! – Это уже кто-то из односельчан моего противника решил поддержать знакомого. – Чего с ним возишься?

Разумеется, только по праздникам у нас выпить и можно. В обычные дни никому ни капли, да люди и сами не пьют. Некогда, весь день вертишься в заботах, даже если в округе тихо. Выжить – самое трудное дело на земле. В Москве – точно.

Противник смотрел на меня и злился. Сильно злился! Накручивал себя как берсеркер. У него все волосы уже дыбом встали, нижняя челюсть ходила ходуном, разве что пар из ноздрей не шёл.

Сошлись поближе. Чубарь смешно запыхтел, широко развёл лапы, будто обнять хочет.

Что я ему, девка красная? В сторону уклонился, да слегонца по рёбрам стукнул, а то ишь что удумал: бочину открытой оставил. Будь на моём месте не он, давно бы Чубарь мертвец мёртвого валялся. Но разве ж я обезьян какой?!

Пусть Чубарь не сват мне и не брат, всё равно свой, из Комплекса. Ополченец. Мне, может, его ещё с неба прикрывать, а ему меня из беды вызволять, если в неподходящий момент крыло поломается. Потому и врезал чуток, для остратки.

Только лучше б как надо приложился. Чубарь взвыл живоглотом да с рёвом (хоть уши затыкай) на меня... Замолотил руками, что та мельница. Силушкой Господь его не обидел. Попадёшь под кулачище – с копыт долой.

Зато я вёрткий, сноровистый. От ударов ухожу, да всё тычками пользую. Они с виду мелкие, незаметные, но дело делают. То руку Чубарю малость отсушу, то ногу. Всё по батиным наставлениям.

Он как понял, что богатырь из меня не получится, разным хитрым премудростям учить стал. Мол, на всякую силу свой манёвр изыщется. И не ошибся: в фенакодуса корм пошёл! Быстро я ту науку в себя впитал, а теперь пользовался.

Не возьмёшь меня так с бухты-барахты. Попотеть надобно!

Народ честной веселится, хохочет. Всем потехам потеха! Об заклад бьются. Наши (успел заметить, как шмыгают в толпе), само собой, на меня ставки делают. Потом поделятся, братья, пусть и названные, всё ж таки.

А я, пока Чубарь совсем в зверя не превратился, решил, что на сегодня хватит. Пора и честь знать. Кроме нас и другие бойцы имеются, застоялись как фенакодусы на конюшне. Улучил нужный момент, бац-бац... Первый легкий удар с левой руки в болевую точку под носом, чтоб голова запрокинулась, а второй с локтя – в “солнышко”. Тоже слегка, чтоб диафрагму не порвать. Но этого хватило. Чубарь пополам сложился, все, что с утра ел, – на землю вывалил. А распрямиться не может.

Тут к нему лекарка подскочила, суетиться начала, но я-то себя знаю: всё обойдётся. Ястребок своего не обидит! Отойдёт скоро парень!

– Молодца! – Дядька Аким хлопнул меня по плечу. – Смотрите, парни, как драться нужно. Ничего, скоро вы у меня все такими будете!

Тут и названные братья подросли, обнимают, хвалят наперебой.

– Айда праздновать! – говорят.

Мест, где можно посидеть-отдохнуть, на ярмарке полно. Тут тебе и трактир тётки Матрёны, со скатертями льняными, полами отскобленными, стульями резными, посудой разукрашенной. Туда отец захаживать любит. Есть харчевни попроще: с полотняным навесом, брёвнами вместо лавок. Ну и совсем экономический вариант: прямо под открытым небом стоит на костре котёл, в нём похлёбка булькает. Приходи со своими миской-ложкой – нальют. И возьмут недорого.

Одно плохо: публики в ярмарочный день везде полно, а хочется посидеть в своей компании.

– На наше место пойдём? – предложил Ероха.

Остальные его поддержали.

Даже в тесном и скученном Комплексе есть места, куда редко кто заходит. Одно такое мы облюбовали для себя.

По пути зашли в харчевню, попросили собрать узелок на скорую руку. Огненное зелье нам ни к чему, небо пьяниц не любит. Летунам это правило вдальбивают с самого начала. Называется техникой безопасности. А вот поесть после хорошей драчки – сам бог велел!

Уселись на камнях (денек жаркий, камешки как печка раскалились), узелок развернули. Не скатерть-самобранка, но мы и такому рады. В еде ведь что главное? Чтобы на всех хватило и ещё осталось! Не больно-то нас разносолами баловали.

– Давай пять, Нечай! Лихо ты своего уделал! – восхищённо произнёс Ероха, пожимая мне руку.

Другие его поддержали, тоже стали поздравлять. Победителей у нас любят.

Вот только героем я себя не чувствовал. Да, победа была честной, но, положив руку на сердце: Чубарю ещё в ополчении учиться и учиться. Глядишь, через годок я с ним один на один не рискну выйти. Особенно, если за него мой батя возьмётся. У отца дел по горло, но до новобранцев он снисходит. Делится опытом, который приобрёл в кремлёвской дружине.

Жаль только, нет у нас таких бойцов как в Кремле. И старается народ, всё перенимает, но... до дружины нашим ополченцам далеко. Слабы мы против них, если честно. Не знаю, почему. А батя, может, и знает, да вслух не говорит.

Пока размышлял на эту тему, братаны еду уничтожили, но для приличия кусман-другой мне оставили. Я на них не в обиде. В большой семье, как говорится, клювом не щелкают.

А потом приковылял дядька Аким. Он про наше тайное место знает. Всегда нас находит.

Примостился рядышком, глаза сурово прищурил. По всем признакам дело идёт к тому, что будет сейчас перед нами толкать нравоучительную речь.

Есть у дядьки дурная привычка. И главное – так складно по полочкам всё разложит, так косточки пропесочит, что потом не знаешь, куда со стыда спрятаться.

Однако я ошибся. Дядьке Акиму было не до речей.

– Что-то пойменских я сёдня на ярманке не приметил, – вполголоса произнёс он.

Пойменские – дальние соседи, поселение у них небольшое, но укрепленное что Брестская крепость. Говорят, существовала такая в стародавние годы, а защитники её были героями из героев. Такими, что им и стены каменные не нужны.

Находится Пойменское неподалёку от канала, аккуратно возле поймы (отсюда и название). Тамошние жители наловчились тягать рыбу напрямиком из канала. И ведь ничего не

боятся, никакие твари им не страшны. Рыбу эту они разделявают, потом всякими хитрыми методами обрабатывают, да в Комплекс поставляют. Ещё ни один, кто «заготовки» их пробовал, не отравился. Даже животом не маялся. Потому что эта, как её... «технология»!

Ярмарка для пойменских – дело святое. Ни одной не пропускали. Как и маркитанты!

– Ты к чему клонишь, дядя Аким? – спросил я.

– Да к тому, что слетал бы кто из вас. Посмотрел, всё ли ладно в Пойменском. Непокойно на душе у меня чего-то.

Когда старый воин говорит такое, значит, и впрямь – что-то произошло.

– Слетать – слетаю, дядя Аким, – уверенно сказал я. – Только ты с главным нашим поговори. Он самовольства не любит. Осерчать может.

– А точно сам полетишь? – прищурился дядька Аким. – Не отбил тебе ничего Чубарь?

– Если и отбил, так его Варька мигом на ноги поставит, – захихикал кто-то из названных братьев, а я невольно покраснел.

Может, выгорит у нас что-то, может, нет, но лучше, чтобы сладилось. У меня до Вари были уже... девушки. Даже из Пойменского одна. Но с Варей всё по-другому. Там плотское было, а тут душа. И Варе это не хуже меня известно.

Дядька Аким шутку не поддержал. Наоборот – посерьёзnel, сдвинул брови к переносице, насупился.

– Бери выше, Нечай. Я с отцом твоим разговаривал.

– И что он сказал?

– Лететь надо, вот что. И у него кошки внутрях скребут.

– Тогда чего тянуть, дядя Аким. Пошёл я.

– Погодь, – придержал меня ополченец. – Один полетишь?

– Один. Мне компания ни к чему.

– Ну, коль так, и впрямь ступай. Только бомб захвати побольше.

– Пригодятся, думаешь?

– Лучше б не пригодились, – вздохнул он.

– Это точно! – сказал я и попрощался с теми, кто давно стал мне братьями.

Никогда не знаешь, суждено тебе вернуться или нет. Потому у нас принято перед каждым вылетом с друзьями прощаться как будто в последний раз.

Ероха, всё порывался вместе со мной лететь, да я отговорил. Ветер сегодня. Не каждый справится. Ероха так точно разобьётся, а он Комплексу нужен целым и невредимым. Опыт – дело наживное.

Моё крыло находилось в лётном амбаре неподалеку от прыжковой башни... Мне больше иное красивое слово нравится – ангар, но оно у нас не прижилось. Разве что у ястребков в ходу.

Кроме крыльев в ангаре есть ещё одна знатная вещица, спрятанная от любопытных глаз. Мы ту вещицу зовём Горынычем. Мало кто о нём знает. Разве что дядька Аким в курсе, да прочие самые близкие к отцу.

Глава 2

Сколько себя помню – всегда любил высоту. Чем дальше от земли, тем лучше. Жаль, крыло не в силах унести в самую высь, к Солнцу. Наверное, оттуда наш Комплекс показался бы малюсенькой песчинкой.

Мечты, мечты... Но даже они не в силах отвлечь меня от главного. Если в небе, гляди в оба. Следи за тем, что происходит внизу, не прячется ли в развалинах голодная тварь, не появились ли ни с того ни с сего гнойники и прочие опасные «язвы», не рыщут ли на дорогах шайки нео, нет ли прочих гостей незваных-непрошенных?

А ещё за небом присматривай. Налетят рукокрылы – конец верный! Хотя и окропляют дельтаплан и одежду особым составом, отпугивающим рукокрылов, да уж больно ненадёжная это вещь. Не на всех действует, к тому же выдыхается быстро. Особенно в небе, когда воздушным потоком обдувает со всех сторон. Вот и получается, что надежда лишь на себя, на крепкие руки да светлую голову. Прошлым летом заклевали летающие монстры Серегу, одного из лучших ястребков, только остатки каркаса и нашли.

Правда, за последний год рукокрылов в наших местах стало намного меньше. Тут и ополченцы с мужиками из окрестных деревень постарались, разоряя гнёзда этих созданий, и сами рукокрылы смекнули (а они твари хитрые!), что не будет им здесь жизни, и подались в иные края. А что – нам же лучше! Но, как говаривают мудрые опытом ополченцы: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!»

В драку ввязываемся в самом крайнем случае. Наша основная обязанность – разведка и своевременный доклад об обстановке. Так моим отцом, Добрыней-старостой, заведено, а против его слова не попрёшь.

Покуда не оказался он в Комплексе, тяжело тут было. Оно и сейчас не мёд, но те времена старожилам, по их же словам, и вспомнить страшно. До чего, говорят, докатились – людоедам нео платили дань мужиками да бабами, откупались таким макарон, чтобы обезьяны подчистую нарощец не вырезали.

Но вот однажды появились в Комплексе пришлые – бывший кремлёвский дружинник Добрыня и сын его малолетний Нечай (я то бишь). Матушка уже преставилась, а от меня пользы было, как от козла молока. Зато отец развернулся. Сумел сплотить вокруг себя стоящих мужей. Собрал ополчение, стал во главе и разбил нео в пух и прах. Племена, что в здешних краях обитали, едва под корень не вывели. Две-три шайки остались, но и до них ещё руки дойдут.

Покончив с нео, Добрыня занялся другими делами. Укрепил и обустроил Комплекс, наладил дружбу с соседями, ярмарки завёл. Ну, а когда случайно в старинном схроне обнаружили запас крыльев да распознали, что это такое, – ещё и службу ястребков наладил. По его же словам, старому оружию он бы обрадовался больше, а как по мне, оружие в крайнем случае у маркитантов купить можно, пусть и стоит оно баснословно, а вот дельтапланов больше ни у кого нет.

Нас так назвали в честь отважных летунов, которые были героями наряду с защитниками Брестской крепости. И велели быть достойными их памяти!

Воздушный поток послушно нёс меня к Пойменскому. Там мы редко летаем, далеко-далеко. Крыло – есть крыло, полёт зависит от многого, не только от того, кто управляет. Не попадетса восходящих потоков, и садись непонятно где. А иной раз ветер может занести совсем в другую сторону. Особенно, если опыта маловато.

Так получилось, что среди ястребков я сейчас самый опытный. Потому и назначен командовать целым звеном крыльев, а это три дельтаплана. Случись что с ними – батька с

меня как раз три шкуры и сдерёт. Но Господь милостив, покуда справляюсь. Формально же в некоторых случаях я вообще считаюсь старшим над всем крылатым воинством.

Полёт пока что пролетел нормально. Как любит шутить отец – «в штатном режиме». Я от него многим занятым словечкам и оборотам нахватался.

Долго, конечно, фенакодус куда быстрее, даже если не напрягается особо, но если считать все объезды по земле, минуя разные аномалии, то в итоге по воздуху все-таки выигрыш во времени получается.

Внизу ничего особенного. Ни «гнойников», ни кровожадных тварей... Одни руины, но они – пейзаж привычный, хотя порою изменяющийся, когда какая до сих пор стоявшая стена вдруг окончательно заваливается да превращается в груды щебенки.

Тихо и спокойно. Не полёт – прогулка. Будь такая возможность – Варю бы на крыле покатал. Она девка не из пугливых. Ничего не боится. Только крыло не выдержит двоих.

Но чем ближе Пойменское, тем тревожней у меня на душе. То ли дядька Аким накрутил, то ли сам научился чувствовать. Ещё и чем-то неприятным потянуло в воздухе. Сначала чуть-чуть, потом сильнее и сильнее.

Я перестал сомневаться, ведь характерный запах гари ни с чем не перепутаешь. Сердце тревожно забилося, не предвещая ничего хорошего.

Чем ближе подлетал к Пойменскому, тем окончательно становилось ясно: деревни больше нет. Всё, что осталось, – одно пепелище.

Неведомый враг спалил всё дотла, а жители деревни приняли мученическую смерть, чему стали свидетельством мёртвые тела, сваленные в одну кучу.

Трупы я видел, и не раз. Всякого насмотрелся. Только от этого не легче.

Говорят, человек привыкает ко всему. Но, глядя с высоты на пирамиду из тел, я понял, что это не так. Есть вещи, привыкнуть к которым невозможно. Иначе перестаёшь быть человеком, превращаешься в животное.

А в голове будто молния сверкнула, заставляя сердце биться словно сумасшедшее: в груди мертвецов лежит труп той, с которой мне довелось провести ночь во время прошлой ярмарки. Пусть между нами не было даже намёка на любовь, но я помнил теплоту её губ, то, какими ласками она одаривала меня.

Это осталось в прошлом и не вернётся никогда! Она где-то внизу, погребена под другими телами. Молодая красивая девушка, не сделавшая никому плохого...

Кровь ударила мне в лицо. Хотелось рвать и метать, убивать сволочей, сотворивших это! Карать гадов, наслаждаться их смертью! Только слово «мечь» свербело у меня в мозгу.

Ненавижу! Готов голыми руками рвать на части убийц! Плевать, что будет потом. Сейчас главное – это мечь, и я не готов дожидаться, когда это блюдо остынет.

Огромным усилием удалось взять себя в руки.

Убийц накажем, обязательно накажем! Пепелище свежее, всё случилось сравнительно недавно. Судя по всему, далеко уйти они не могли. Даже верхом.

Осталось только разыскать их. Что будет дальше, я не знал, но странная уверенность охватила меня целиком. Я понял – ни одна сволочь не уйдёт безнаказанной, кем бы она ни была: человеком, мутантом или машиной. Возмездие настигнет всех, и никакой пощады! Кровь за кровь!

Я поднялся едва не к самым облакам. Конечно, преувеличение, не попалось мне такого восходящего потока, да и что бы я увидел с подобных высот? Но небо что-то делает с человеком, унося ввысь, настраивает и мысли на особый, возвышенный лад.

До поры до времени убийцам ни к чему знать о моём присутствии, а глаз у меня острый и на слух грех жаловаться. Иначе в ястребки б не попал.

Особых деталей сверху было не разглядеть, только развалины да всевозможные заросли, так ведь подробности мне и не нужны. Необходима общая картина: кто, откуда?

Наверху холодно, утеплённая одежда помогала слабо, но мне было плевать на продрогшее тело. Жар мести гнал меня вперёд.

Кто бы тут ни был, он не мог спрятать свои следы, и скоро я в этом убедился.

Пойменское атаковали с ходу, взяв с лихого кавалерийского наскока. Это были всадники на фенакодусах, много всадников. А жители почему-то вместо того, чтобы отбить атаку, – открыли ворота. Такая картинка, созданная из предположений и следов, которые я сумел разглядеть с высоты, выстраивалась у меня в голове.

Ну не было это похоже на отражение штурма! Стрелами-то противника еще как проредить можно! Я нарочно снизился и несколько раз пролетел почти на бреющем, чтобы остался небольшой запас высоты. Этаким компромисс между желанием разглядеть побольше и разумными требованиями безопасности. Если сяду, то взлететь уже не смогу.

Почему? Пойменские не были самоубийцами. Наоборот, они умели дать отпор. Хорошо, что отец быстро наладил с ними контакт и они стали союзниками. Иначе... войны, может, и не было бы, но крови попортить пойменские бы сумели. Даром, что их едва набралось две неполных сотни – считая женщин и детей.

Сражение шло внутри деревни. Основное действие разворачивалось именно там. Не было обороны стен, никто не отстреливался из старинных мортир и метательных орудий, установленных на башнях. Значит... ход рассуждений прервался канонадой. Неподалеку шла стрельба. Знакомый сухой треск винтовочных выстрелов и коротких автоматных очередей прерывался громкими хлопками пицалей. Где-то разгорался нешуточный бой.

Интересно, кто это? Мне ли не знать, что на таком расстоянии от Пойменского других поселений нет? Чтобы где-то осесть, необходимо для начала построить укрепления, иначе не выжить, а сверх того – неким способом хотя бы продовольствием себя обеспечивать. В одиночку не протянуть, а группы давно сформировались.

Как в иных краях Москвы, не знаю, но в наших все людские жилища наперечет. Не считая Комплекса и уже не существующего Пойменского, всех поселений здесь всего три штуки.

Я не гадалка, но мне было ясно: разыгравшийся в отдалении бой связан с теми, кто сжёт Пойменское. А враг моего врага – мой союзник, пусть и на время.

Я полетел на звуки выстрелов и скоро стал свидетелем следующей картины: внизу происходило нападение на обоз маркитантов. Тот самый, что так и не пришёл в Комплекс. Его подловили на небольшом пустыре, где с одной стороны пролегла зеленка, а с остальных застыли развалины домов.

Маркитанты поставили фургоны кругом и отстреливались, привычно экономя патроны. На них сноровисто наседали всадники весьма необычного вида. Раньше я таких не встречал: в кожаных панцирях поверх пёстрых халатов, в островерхих мохнатых шапках и шароварах, определённо высокие – почему-то бросилось мне в голову. Хотя, может, всему виной особая прямая посадка. Воины держали спину так, словно проглотили палку.

Вооружены были по-разному: имелся огненный бой (время от времени слышался хлопок из короткоствольных пицалей, и стрелявший окутывался облачком дыма), однако большинство было с луками и пользовались ими умело.

Тактика нападения была отработана до мелочей, каждый воин знал свой маневр. Сверху это было особенно наглядно. Не мешая друг другу, не проявляя ненужной инициативы, не подставляясь зря под пули... Чужаки воевать умели. Выскочат из природных укрытий, развалин всяких, зелени, выпустят на скорости пару стрел и опять под защиту. Если пулю от маркитантов не схлопочут.

Удачное попадание отмечалось диким визгом и улюлюканьем, от которого кровь стыла в жилах. Было в этих криках что-то идущее из тёмных древних времён. Но, справедливости ради, попадания те были редки. Гораздо чаще вылетал из седла налетчик. Торговцы умело

прятались и били на выбор. Любой маркитант был прирожденным воином. По крайней мере, в том, что касалось огнестрела.

Ситуация была патовой. Превосходство в силах на стороне нападающих, превосходство в оружии – обороняющихся. Кочевники, кем бы они ни были, не могли сблизиться с противником вплотную, без риска целиком полечь под автоматным огнем. В свою очередь маркитанты не рисковали контратаковать. Стоило им покинуть укрытие, и стрелы принялись бы собирать кровавую жатву. Да и дальнейшее продвижение обоза не представлялось возможным. На площади хотя бы имелось открытое пространство, среди же развалин кочевники получали еще одно преимущество и могли появляться едва не внезапно, нападая на неизбежно растягивающийся караван.

А мог ли караван вообще тронуться с места? Люди вряд ли пострадали сильно, но тут и там валялись фенакодусы, и дальше повозки предстояло хоть на себе тащить.

Всадники окружили вагенбург, время от времени поливая его дождём стрел. Они давно могли бы поджечь повозки, однако чужаков явно интересовало то, что внутри, иначе атака теряла всякий смысл.

Единственным свидетелем происходящего был я. Выстрелы неизбежно привлекали к себе внимание, однако не он и прочая нелюдь опасались попасть под руку противоборствующим сторонам. Потом, возможно, и дадут о себе знать, когда противники изматывают друг друга. Не он, само собой, не гении, но толковых вождей у них хватает.

Боевые машины сюда забредали редко. Я забыл, когда видел био в последний раз. Крылатское их мало интересовало, а может, и вовсе не подозревали о нашем присутствии, орудуя ближе к Кремлю и другим районам. Это помогло нам продержаться и обустроить Комплекс. В противном случае, био раскатали бы нас как блин. Воевать с ними сложно, а договориться нельзя, ведь это умные, но всё же машины. У них своя, чуждая людям логика.

Я мысленно прикинул количество островерхих шапок – человек семьдесят, по нашим меркам серьёзное войско. Стоило определиться: вмешаться в схватку (зажигалки и острые штыри-стрелы были у меня с собой – советам дядьки Акима я следовал всегда), либо лететь в Комплекс за подмогой. Как ни хотелось сбросить смертоносный груз на головы противников, благоразумие победило. Обозначить себя нельзя, чем быстрее исчезну незамеченным – тем лучше. А особого толка от моего вступления в бой все равно бы не было.

Я рывком изменил направление и, оседлав воздушный поток, развернулся.

Маркитанты продержатся. Все-таки вооружены неплохо. Было бы патронов в избытке, они бы всех противников перестреляли. Отец обязательно вышлет подмогу. Заодно поквитаемся с чужаками и за Пойменское.

Обратный путь всегда кажется длинным. Особенно, если спешишь. Я выкладывался на полную катушку, лавируя и находя более быстрые потоки, но крыло не могло домчать меня мигом.

Чудес на свете не бывает. Я разрезал небесный простор быстрее рукокрылов, а хотел лететь молнией. Драгоценное время струйкой уплывало в песок.

Но всё имеет свой конец. Приземлившись перед ангаром и велев часовому стеречь крыло как зеницу ока, я стремглав бросился к отцу.

Дважды по дороге попадались ястребки, они недоумённо смотрели, порывались спросить, чего это я несусь как угорелый. В ответ приходилось бросать короткое «потом!».

Я предполагал, что найду отца на ярмарке, в трактире у тётки Матрёны. В это время он обычно был там. Мне, кстати, столоваться у неё запрещает. Говорит: «Не по должности!»

Я пулей влетел в трактир, едва не сбив с ног Тимошку-полового. В ополчение его не взяли по здоровью, мастеровым он не стал по косорукости, а «колхозником» из-за невероятной врожденной лени. Зато в трактире нашёл своё призвание. Умел подладиться к гостю,

любую еду подавал так, что посетитель себя чувствовал пупом Земли, ну и ещё был батиними ушами: пересказывал, какие речи ведутся в трактире.

Старосте всегда нужно держать нос по ветру. Недовольные всегда найдутся, только опасность от них разная. Один побурчит и всё, а другой вынет ножичек из-за голенища да пырнёт при удобном случае. Первых отец прощал, со вторыми разговор короткий.

Как-то раз меня взяли в заложники, чтобы таким образом надавить на отца. Дескать, не пойдёшь на уступки, мы твоего щенка на полоски порежем.

Я тогда мальцом был, три года от роду. Не знаю, что за моча тем уродам в голову стукнула, почему на дело богопротивное пошли, только отец и меня из поруба освободил, и у злодеев кишки на кулак намотал. Батя... он такой, всё может. За меня любому глотку порвёт!

Но и ласки от него не дождёшься. С самых ранних лет меня приучал к строгости и воздержанности: в жизни, в делах, в поступках. Кремлёвским дружинникам иначе нельзя, а отец был лучшим из лучших.

Слово учил держать, мечом владеть, из рукопашной схватки победителем выходить. Только чувствовал я, что не все надежды отца оправдал. Большого он от меня ждёт, а чего именно – непонятно. Я тогда себе зарок дал: хоть из кожи вылезу, но перед отцом отличусь. Похвала из его уст – лучшая награда.

Я повертел головой в поисках отца. Его не было видно.

– Тимошка, где староста?

– Только-только ушёл.

– Куда?

– Дык мне ж не докладываются!

Я снова кинулся на улицу, высматривать отца. Его ни с кем не спутаешь, в любой толпе выделяется. Поворот, ещё поворот. Каждая улочка в Комплексе с двойным назначением, в любой миг из мирной обители превратится в форпост обороны.

Вдалеке виднелась фигура отца, о чём-то разговаривавшего с двумя помощниками.

– Староста!

Он вскинул голову.

– Там, в паре вёрст за Пойменским, бой. Семь десятков верховых напали на обоз маркитантов. На помощь надо идти... – выпалил я, переходя на бег.

Лицо отца стало суровым.

– А пойменские чего?

– Нет больше их. Деревню сожгли, жителей перебили.

Кулаки Добрыни сжались.

– Кто?!

– Думаю, те, кто сейчас маркитантов потрошит.

– Ясно, – в глазах отца зажглись недобрые огоньки. – Что за верховые? Чем вооружены?

– Кто такие – неясно. На кочевников из старой книги похожи. Помнишь, той самой, по истории? Из оружия: луки, копья, сабли... огнестрел, но его мало.

– Автоматы?

– Слава богу – нет. Вроде обычные пищали.

– Поднимай ястребков. Сразу два звена. Нас не ждите. Я с дежурной полусотней выеду.

– Отец! Без тебя никак? – Вот так он всегда – в любую заваруху первым лезет, словно без него не справиться. А ведь не станет отца, боюсь, не станет и Крылатского. Весь наш Комплекс лишь на его авторитете держится.

Отец отрицательно покачал головой.

– Плох тот командир, который своих бойцов не ведёт. И вообще: твоё дело приказы выполнять, а не рассуждать. Марш к ангару!

– Слушаюсь! – отрапортовал я и помчался поднимать ястребков, на бегу прикидывая, кого стоит взять.

Добровольцев искать бесполезно – парни горячие, как на подбор, в бой рвутся все до одного. Не позовёшь – обидятся. Эх, была-не была, возьму самых опытных, с остальными потом посчитаемся. Ястребки, братья мои названные, не дураки, поймут.

Дежурная полусотня хоть и легка на подбор, но мы их в два счёта обставим. Конечно, фенакодуса удастся обставить редко, если ветер благоприятный, но зато нам объезжать всякие ловушки не надо и на месте окажемся раньше ополченцев. В принципе, у отца расчёт верный. Сначала ястребки отбомбятся, потом в бой вступит тяжёлая кавалерия. Тяжёлая, потому что на ополченцах брони с добрый пуд весом. А если ещё оружие посчитать, так все два будут.

В шибке каждый кавалерист всё равно что танк. Всех с пути сносит. Ну и рубятся ополченцы любо-дорого поглядеть. Кого хочешь в капусту нашинкуют.

Примчался к ангару, быстро объяснил, что и как, отобрал пятерых ястребков. И снова взмыл в небо, только теперь в бой.

Глава 3

Маркитанты молодцы: не только держались, но еще и сумели уполовинить нападающих. При их-то оружии, да если бы противник не сменил тактику и не стал прятаться, вообще бы никого не оставили. Но кочевники теперь на открытых местах не показывались. Фенакодусов они выбили, а до людей все равно дотянуться не могли. Однако уходить не уходили. Видать, позарез им был необходим этот обоз. А уж нам-то как нужен!

Мы действовали как обычно. В первом заходе пройдемся бомбами-«зажигалками», во втором метаем длинные стрелы, каждая из которых запросто пригвоздит всадника к седлу. Если, конечно, попадет, что бывает крайне редко. Плохо, что бомб этих маловато. Сами не делаем, приходится покупать у тех же маркитантов.

Разгоряченные схваткой кочевники (они действительно словно сошли со страниц старинного учебника истории, глава о Золотой Орде) не замечали, что творится над головами, а когда заметили – было поздно.

Я пронёсся на бреющем полёте, выцеливая, где погуще потенциальных мишеней. Если уж бить, так наверняка. «Зажигалки» – удовольствие дорогое, впустую расходовать обидно. Тем более, на глазах у других ястребков осрамиться нельзя.

Шапки с острыми верхами всё ближе и ближе. Иногда в поле зрения попадают и лица, преимущественно скуластые и узкоглазые. Они ещё ничего не подозревают, не кричат «тревогу»! Никто из них не глядит на небо в ожидании опасностей. Замечательно, всё по плану. Теперь берегитесь! Отправлю вас в ваш загробный мир без всякого сожаления, ведь вы это заслужили, уничтожив деревню. И будьте вы прокляты!

Всё, пора. Я заложил крутой вираж. Колбочка с горючкой полетела вниз. Почти сразу раздался негромкий хлопок. Яркое пламя вздыбилось вверх, пожирая какого-то всадника. Еще на троих или четверых попали брызги термической жидкости. Всадникам ладно, ну получат по паре ожогов, однако фенакодусы в панике ринулись прочь.

– Так вам, сволочи! Так! – закричал я, торжествуя, и повернул на второй круг.

Конечно, наши зажигалки служили оружием больше психологическим. Чтобы нанести серьезный урон, колба должна быть куда здоровее и, главное, попасть надо в самую гущу противника. Но где найти живое существо, которое не боялось бы огня?

Тут в бой вступили прочие ястребки. Снова треск, и ещё два огненных столба лизнули языками небо. А потом над развалинами пронеслось следующее звено.

Конечно, чувствительного урона врагу мы не нанесли. По одиночке, да с качающегося дельтаплана особо не попадешь, но какую-то панику мы подняли. Некоторые противники даже выскочили на открытые места, где их быстро уложили маркитанты. Даже самый умелый наездник не сразу совладевает с потерявшим голову от страха фенакодусом.

Я взял в правую руку длинный и толстый стержень, прикинул, в кого бы направить, и быстро определился. Ориентиром стал дородный мужик, не особо стремившийся лезть в гущу боя. По манере вести себя и отличительному знаку (пышный султан не на шапке с острым верхом, а на металлическом шлеме, обмотанном чалмой) я вычислил в нём главного. Ты-то мне, голубчик, и нужен.

Главарь что-то гортанно выкрикивал, махал кривой саблей. Его фенакодус хрипел и вставал на дыбы то ли от страха перед морем огня, то ли рвался в бой, а хозяин не давал воли. Ничего, от меня не уйдёшь. Покажу, где раки зимуют.

Попасть дротиком в цель – большое искусство. Дельтаплан всегда чуть покачивает, и в таких условиях необходимо освободить руку, прицелиться со всеми поправками на собственную скорость, силу ветра, неизбежный снос, метнуть дротик, а после еще суметь выровнять полет. После броска крыло едва не опрокидывается, а поскольку метать прихо-

дится с малой высоты, то резерва времени на маневры почти не остается. Даже на тренировках бывали случаи, когда то один, то другой ястребок не успевали и в итоге оказывались на земле. Два раза падение заканчивалось смертью, в других случаях – переломами и ушибами. Небо не прощает ошибок и не ведает жалости.

Можно, конечно, как бы уронить стержень, в падении он быстро набирает скорость, но так шансы попасть еще меньше. Едва не в каждом вылете я старательно отработывал метание самыми разными методами, скажу не хвастаясь, был лучшим среди ястребков, и все равно разве что один дротик из двух, а то и трех попадал в цель.

Я метнул стержень с высоты в три десятка метров и тут же стиснул зубы от досады. Главари охраняли. Ближний всадник нахрапом сшиб фенакодуса мужика с султаном. Какое-то мгновение мне казалось, что спаситель сам станет жертвой, окажется нанизанным на вертел, однако дротик прошел буквально на расстоянии ладони и вонзился в землю.

Я едва выровнял дельтаплан. Высота была потеряна, и оставалось уповать на восходящий поток на пути. В противном случае путь мог закончиться весьма быстро.

Враг уже полностью опомнился, защёлкали ответные стрелы. Несколько штук навывлет прошили крыло, и еще счастье, что ни одна не задела меня. Однако дельтаплан зашатало, и я вновь стал терять управление. Только на беду высота уже была относительно небольшой для спасения и вполне достаточной, чтобы переломать себе руки-ноги, а то и свернуть шею. Причем, последнее гораздо вероятней. Видел я, во что превращается человек при встрече с землей. Мешок с переломанными костями.

И ещё... не было печали!

– Ты горишь! – это Ероха, увидев, что со мной неладно, рискнул снизиться и подлететь поближе.

Я посмотрел наверх. Точно. Похоже, у кочевников были горючие стрелы. По обозу они их не тратили, а для крыла пригодились.

Материя начинала разгораться, и еще мое счастье, что позади, а не в начале, где огонь раздувался бы встречным ветром и в секунды пожрал ткань.

– Прыгай! – завопил Ероха.

– ?!!

– Прыгай, я подхватчу.

– С ума сошёл?!

– Прыгай!

Он попытался опуститься ниже меня, но высоты на маневр катастрофически не хватало. Да и в любом случае, глупости это. Пилот висит под крылом, то есть, подхватить меня Ероха не сможет ни при каких обстоятельствах. А свалиться на него сверху, нарушив тем центровку аппарата, только заставить названного брата упасть вместе со мной. Уже не говорю, что удержаться после этого мне было бы не за что. Да и мой дельтаплан наверняка еще свалился бы сверху.

Я чувствовал, как теряю управление, и счастье, что земля была уже близко. Но за попытками спастись я лишь теперь заметил выросшие прямо по курсу остатки стены и заложил крутой вираж, чтобы разминуться. Но самым кончиком крыла я все-таки зацепился, едва не опрокинулся и буквально чудом сумел выровнять полет. А затем земля оказалась практически рядом, задрал нос, гася скорость, и скоро поверхность довольно больно ударила меня по ногам.

Я проворно отцепил ремни и выскользнул из-под крыла.

Ничего. Кажется, цел, а, значит, еще повоюем. Вот только крыло жалко. Пламя усиливалось, и материя выгорала прямо на глазах.

Неожиданно рядом приземлился Ероха. Он тоже потерял высоту, только не верится, будто рыжий не смог бы ее набрать.

Эх, Ероха, вдвоем-то погибать разве легче? Как и следовало ожидать, падение заметили в стане врага. Сразу четверо всадников направили фенакодусов прямо на нас.

Дело принимало дурной оборот. Но озаботило меня другое. В стороне один из дельта-планов перешел в крутое пике и врезался в землю. При таких падениях не выживают. Кто?!

От конного на открытой местности не убежишь. Я обнажил меч, приготовился подождать отдать жизнь. Ероха встал, прикрывая мне спину. Он держал метательную стрелу будто копьё.

Кочевники собирались брать нас живьём. Один из воинов закрутил в воздухе аркан, выбирая удачный момент для броска.

– Врешь, скотина! Не возьмешь! – твёрдо сказал я.

Меня явно услышали, а вот поняли ли звуки чужой речи, не знаю. Воин с арканом хищно усмехнулся, ударил по бокам фенакодуса и миг оказался на расстоянии броска.

Аркан длинной змеей вытянулся в воздухе. Действуя инстинктивно, я шагнул в сторону. Время вокруг меня замедлилось. Петля аркана словно зависла у моих глаз. Я протянул руку, ухватился как следует за волосяную верёвку и, напрягая все мускулы, дёрнул аркан на себя.

Откуда только силы взялись! Кочевника буквально ураганом выдернуло из седла. Он пролетел несколько шагов и впечатался носом в землю аккуратно возле моих сапог.

Фенакодус, потеряв наездника, остановился как вкопанный. Ошалело заморгал, не понимая, что делать.

– Получай! – выдохнул я и одним ударом отделил голову незадачливого обладателя волосатой верёвки от туловища. А потом добавил с ноткой гордости: – Я ведь предупреждал, что не дамся!

Его товарищи аж задохнулись от гнева. Самый ближний вытянул из притороченного к седлу колчана стрелу, вложил на тетиву и прищурился одним глазом.

– Что вылупился, упырь?! Стреляй! – с надрывом сказал я.

Тихо тренькнуло. Не понимая почему, я чуть выставил руку вперёд и вдруг, сжав пальцы, ощутил, что сжимаю в кулаке древко выпущенной стрелы. Машинально отметил, что перья на концах желтые, а посерединке серого цвета.

Трое кочевников от такого зрелища чуть с сёдел не попадали. Жаль, Ероха не видел.

Такого со мной никогда прежде не происходило. Всё, что понадобилось сделать, – вытянуть руку и взять стрелу. Я будто магнитом притянул её в нужное место, а она послушно замерла в воздухе.

Бах! Сразу несколько ополченцев тараном сшиблись с атаковавшими нас кочевниками. Удар был стремительным. Всадников в остроконечных шапках буквально снесло. Но и ополченцев после столкновения стало меньше. В бою без потерь не бывает. На счастье, в увлечении схваткой с маркитантами противник прозевал прибытие отряда. Иначе все могло обернуться по-другому. Драться кочевники умели отлично, и наше счастье, что после боя с маркитантами было их намного меньше, чем ополченцев.

– Нечай, Ероха, как вы? – к нам подскакал огромный ополченец, в котором я без труда узнал отца.

– Живы, – коротко ответил я.

– Тогда уходите. Не путайтесь под ногами!

Отец, не дожидаясь ответа, ринулся в гущу схватки.

Под ногами не путаться?! Как же! Конечно, под ногами не стоит, а вот выйти из драки... Недолго думая, я взгромоздился в седло фенакодуса, безголовый владелец которого валялся у меня в ногах.

– Пошла, скотина! Но!

Фенакодус подчинился, что могло бы меня удивить в другое время – обычно эти создания признают разве что своего хозяина. Но сегодня на мою долю выпало столько всего, что я не стал особо заморачиваться. Главное – я в седле, животное не выказывает норов и послушно моим командам.

Поискал глазами основную цель, того самого, с султаном. Он крутился неподалёку, не вступая в бой. Подходы к нему защищали двое телохранителей. К ним-то я и направился.

Рубиться верхом занятие сложное. Если бы не уроки отца, кочевники мигом бы меня распластали. Клинки заработали. Фенакодусы разнесли нас мимо, заставили повторить нападение. Неведомым образом я изловчился, сумел срубить одного кочевника. Я удивиться не успел, всё само собой получилось, действовал на автомате.

Зато со вторым телохранителем пришлось повозиться. Тот сноровисто махал сабелькой, парируя мои выпады и, очевидно, прощупывал слабые стороны. А у кого их нет? У меня так точно полно, только лучше бы о них никому не знать.

Тут я пожалел, что был без доспехов. Надежда слабая, но лучше с ними, чем без. Меня чуть не разрубили, и лишь резко отшатнувшийся фенакодус был причиной того, что клинок просвистел рядом с телом, а не прошел сквозь него.

После короткой схватки, закончившейся вничью, мы вновь ненадолго разъехались.

Противник тяжело дышал. Очевидно, устал сильнее меня. Я же почему-то чувствовал в себе невероятную лёгкость. Как говорит отец – «адреналиновый выброс». После хорошей стычки такое бывает.

– Сдавайся! – предложил я. – И тогда пощажу.

Кочевник явно знал наш язык. Он гордо вскинулся:

– Небо не принимает трусов! Кешайн лучше погибнет, но никогда не сдастся в плен!

– Дело твоё, кешайн! – согласился я, пробуя на звук новое слово.

Никогда о таких не слышал. Интересно, откуда они взялись на нашу голову?

Что-то громко зашипело, привлекая внимание. Ещё немного, и почти всё пространство заволокло белым дымом, в котором было трудно дышать. Ты смотри, а противник-то непростой попался, продвинутый – дымовую завесу поставил.

Миг, и всадники скрылись в густом тумане. Ищи теперь!

Фенакодус подо мной чуть не сошёл с ума, так резво дёрнул, что я едва не свалился. Остановился лишь оказавшись на свежем воздухе. Я животное понимал, у самого рёбра чуть не трещали.

– Нечай, а ты откуда?

Я поглядел на говорившего. Им оказался отец, он недоумённо смотрел на меня. С его меча медленно капала на землю тягучая кровь.

Я хотел ответить, но тут один из ополченцев, прикрывавших отца, завопил что есть силы:

– Уйдут!

– Хрен им! – вырвалось у меня.

Я сунул меч в ножны и схватился за аркан, любезно притороченный прежним владельцем фенакодуса к седлу. У него явно страсть к арканам была. Одним на меня охотился, ещё и про запас держал.

– Нечай! – попытался остановить отец, но я уже ринулся в центр разраставшейся завесы.

Фенакодус не посмел ослушаться. Вышколили звероподобную лошадку на славу.

Я задержал дыхание, врываясь в серо-молочный туман. Ну, фенакодушка, поднажми. Ещё чуток!

Фу-у-х! Снова нормальный воздух. Только расслабляться нельзя. Небольшой отряд кешайнов во главе с «султаном» уходит галопом. Сообразили, гады, что им крышка. Ноги уносят.

Мой скакун припустил за ними. Когда дистанция сократилась, я закинул аркан словно невод. И сразу же последовал страшный рывок. Есть! Попалась «рыбка»! Кешайна выдернуло из седла.

Толком не разглядев «улов», я повернул обратно, волоча пойманную добычу по земле. Авось башку об камне не разобьёт. Мне этот воин живьём нужен.

Потеряв бойца, кочевники только ускорили темп. Удирали что было сил. А через завесу прорывались первые ряды конных ополченцев с отцом впереди.

Увидев меня, он поднял руку, останавливая бойцов.

– Прекратить погоню!

Я демонстративно показал на пойманного кешайна. Того слегка оглушило, он лежал смиренно, не делая попыток вскочить на ноги и освободиться.

– Принимай языка, староста!

Показалось мне или нет, но в глазах отца мелькнуло торжествующее выражение. Он явно гордился мною.

Двое ополченцев спрыгнули с фенакодусов, подошли к кешайну. Именно тогда я увидел знакомый султан. По всему выходило, что мне удалось изловить начальника нападавшего на маркитантов отряда.

Чуть позже из тумана завесы появился Ероха. Он шагал слегка враскоряку, в правой ноге застряла стрела с жёлто-серым оперением.

– Ну что, мы победили? – тихо спросил он, слегка покачнувшись и упав.

Глава 4

Всё население Комплекса, включая стариков и детей, вышло встречать победителей. Даже купцы свернули торговлю.

Мы возвращались без всякого триумфа. Да, вроде бы одержали победу, но какой ценой? Погибло девять ополченцев, двое «ястребков», а уж сколько раненых! Каждый второй из уцелевших, в том числе и Ероха. Еще счастье, что ополченцы первым делом использовали луки, а не вступили в рукопашную схватку сразу. И очень помогли торговцы со своими автоматами.

У маркитантов потери были не такие же серьёзные. Так, в самом начале кое-кто был убит, засада оказалась грамотной, а потом уже сказалось превосходство в вооружении (когда удалось проредить ряды нападающих, вырваться на свободное пространство и организовать оборону). Да и сколько было той охраны?

Прилегающая к Комплексу территория считалась сравнительно безопасной, вот и ослабились немного. Часть возниц пришлось заменить нашими ополченцами, а в повозки впрячь трофейных фенакодусов: маркитанские-то были уничтожены полностью.

Ставший моим трофейный фенакодус чувствовал торжество момента. Он гордо нёс седока. Я нежно потрепал его по холке.

– Как же мне тебя звать-то? Бурка?

Шкура у фенакодуса была бурая, похожая на спекшуюся кровь, и жёсткая.

– Не, – продолжил я рассуждать. – Бурка – не интересно. У нас в стойлах половину так кличут. Не оригинально. Тогда как? Подскажешь?

Одно ухо у коняки отсутствовало. Не то в бою отсекли, не то другой фенакодус оттяпал. За этими животинами глаз да глаз нужен.

– Одноухим будешь? – спросил я и услышал в ответ хрипкое рычание. По интонации скорее одобрительное, чем недовольное. – Стало быть, согласен! Давай знакомиться, Одноухий. Меня Нечаем зовут. Авось нас не сразу разлучат.

Колонна медленно втягивалась в крепость через главные ворота. Последними прогрозотали телеги с убитыми. Их предстояло оплакать и похоронить.

Люди уже знали о судьбе Пойменского. Буквально перед нами оттуда с печальной вестью вернулся небольшой отряд, специально отправленный отцом на разведку. Живых найти не удалось. Кешайны вырезали всё население подчистую. Зачем? Об этом предстояло спросить у единственного пленного.

Отряд торопливо рассасывался. Несмотря на трагедию, торг еще продолжался. Маркитанты сразу отправились на площадь. Не зря же они сюда ехали! А вот ополченцам было не до праздника.

В разные стороны торопливо ускакали разведчики. С прыжковой башни в небеса устремились ястребки. Я вызвался слетать еще разок, но тут отец оказался непреклонным. Сразу заявил, что нечего постоянно испытывать судьбу и что я, как и другие уцелевшие ястребки, уже чересчур устал для нового полета.

Отец ушёл вместе с начальником обоза маркитантов – лысым дядькой в выгоревшем на солнце х/б и сапогах-киразацах (а ничего так – добротные сапожки. Мне б такие подогнали – я б не отказался!). У него, единственного из маркитантов, была на себе броня – цельнометаллическая кираса, выкрашенная в защитный цвет. Звали его Буцем. Раньше обозом другой командовал, но в этот раз занемог. Как чувствовал!

Кешайна вели под плотной охраной. Не столько боялись, что убежит, сколько переживали, что народ выместит на нём зло. У некоторых в Пойменском были родственники, а про друзей и знакомых говорить нечего.

Эх, будь моя воля, я бы сам из этого уroda отбивную бы сделал, особенно после того, что увидел в сожжённой деревне! От расправы удерживало сознание, что кешайн нужен как язык. Вдруг его соплеменники где-то рядом кишмя кишат?

Одноухого у меня всё же отобрали. Заявился наш хозяйственник по прозвищу Прапор (говорят, от древнего воинского звания образовано – прапорщик, знаменосец, только что-то я никогда его со стягом не видел) и заявил:

– Тебе, Нечай, фенакодус ни к чему. Я его реквизирую.

Он протянул руку к фенакодусу.

– С какой стати, Прапор? Я Одноухого в бою добыл! Это мой трофей! – обиделся я.

– Ты у нас кто: кавалерист или ястребок?

– Ястребок.

– То-то. Рождённый летать скакать не должен. Приказ Добрыни-старосты.

Так я снова стал безлошадным.

На время объявленного отдыха пошёл к ангару договариваться о новом крыле. Кое-какой запасец ещё остался. Да и из потерянных что-нибудь восстановить реально. Конечно, меня помурьжат, как без этого, но крыло взамен уничтоженного в бою дадут. А будут упираться – я им всю печенку проем. На ястребках вся разведка лежит. Без нас Комплекс всё равно что без глаз и ушей.

Ероху положили в госпиталь. Лекарь, который его осматривал, заверил, что всё в порядке. Парня чуток подлатают и снова в строй. Стрела оказалась неотравленной, попала в мягкие ткани, крови вытекло немного.

– Завтра не обещаю, но через недельку ваш Ероха будет как новенький танцевать, – заверил лекарь.

– Навестить сегодня можно?

– Завтра приходите. Мы ему раны обработаем и особым отваром напоим. До утра проспиг без задних ног.

По пути всю дорогу крутил в памяти то, как ловко я стрелу в полёте поймал. Вспоминал и сам себе не верил. Про подобные случаи приходилось слышать раньше. Отец рассказывал, что среди кремлёвских дружинников есть такие умельцы, разве что ртом пули не ловят. Но они годами специально тренируются, а я о подобном и не помышлял. Тем более, одно дело слышать, а другое проделать самому. Даже занозу не засадил! Блин, голова кругом идёт!

Наш завхоз по характеру был близнецом Прапора. Зимой снега не выпросишь. После полуторачасовой перепалки я уж было решил, что без отца не обойтись, но завхоз всё же сдался. Открыл заветную дверь и вручил крыло.

– Если и это проголубоглазишь, больше не приходи. На калитке летать будешь!

– Спасибо, дядь Сень! – обрадовался я и побежал проверять крыло.

Потом время закрутилось, завертелось. Я и заметить не успел, как наступил вечер, и вспомнил, что пора бы поужинать. Кое-как привел себя в порядок, умылся да отправился в трактир, лелея внутри надежду, что свижусь там с Варей. Авось, и поговорить удастся.

Может, я и на поединок с Чубарем из-за неё вызвался? Парни всегда не прочь перед зазнобами покрасоваться. Нет, вряд ли. Тут что-то другое, не думал я тогда о девушках. Сущности, завладевшей мной в тот миг, не было никакого дела до Вари. Просто кулаки зачесались.

После боя с кешайнами чуток отпустило, я стал прежним. Вопрос – надолго ли? Что за странные инстинкты и желания начинают меня одолевать? Имело смысл поговорить с отцом, но я видел, что он занят. Тут не до бесед. Ну и, в конце концов, я не мальчик. Пора решать все вопросы самостоятельно. Отец бы это одобрил.

По дороге в трактир узнал новость. Кто-то решил отпраздновать победу, словно было что праздновать. Тут горевать впору и о погибших жителях Пойменского, и об ополченцах...

Но с другой стороны, вся жизнь – сплошные потери. Каждый выход за пределы стен уже риск. А тут – бой. Да и кто может знать, что ждет всех завтра? Пусть будет праздник. Может, последний.

Столы вытащили под открытое небо. Собрались в основном ополченцы да ястребки. Те, кто был в настоящий момент свободен от дежурств. У некоторых участников боя белели повязки. Женатые пришли с семьями, неженатые – с подругами. Были и торговцы из прошедшего каравана во главе с Буцем. Лицо маркитанта оставалось привычно бесстрастным.

Он посматривал чуть свысока на всех, считая себя чуть не центром Вселенной. А что? Многие товары можно достать лишь у их падкого на выручку сообщества.

Уцелевшие после боя кочевники словно в воду канули, и даже ястребки не сумели их обнаружить. Поздно вылетели, да и сколько тех ястребков осталось?

Многие радостно приветствовали меня: как ни крути, но я оказался в числе героев дня. Слава, она, конечно, преходяща, но почему бы не понежиться чуток под её лучами? А завтра... когда оно наступит, тогда и будем разбираться.

Жаль, три места за нашим столом пустовали. И если Ероха еще вернется, то двое уже никогда. Погибли в бою. И точно так же меньше стало на празднике ополченцев. Если бы не поддержка маркитантов, могла полечь вся полусотня, и кто кому там больше помог, вопрос вопросов.

Кочевники оказались вояками превосходными, в рубке никакому ополченцу не уступят, а, возможно, и кремлевскому дружиннику. Как я еще уцелел?

Я поискал глазами Варю и, увидев, обрадовался. Она сидела неподалёку вместе со стайкой незамужних девушек, о чём-то переговаривалась с соседкой. В какой-то миг наши глаза встретились снова, как это было перед схваткой на Круге. Но теперь Варя не стала отводить глаз и фыркать. Она смотрела на меня с улыбкой, за которую я был готов и жизнь отдать.

Ястребки горланили наперебой, вспоминая детали минувшей баталии. После победы почему б не похвастаться? Нормальная реакция, возможно, недостойная опытного воина, однако для молодых парней в самый раз. Все-таки мы победили, а цена... Разве бывают сражения без потерь?

Разбитные подавальщицы сноровисто расставляли снедь. Было ее по летнему времени вполне достаточно. Тут тебе и мясо, жареное и отварное, рыба явно из Пойменского (воспоминание кольнуло меня, как зубная боль, но я сдержал эмоции при себе), овощи, необычные на вид блюда из побегов мутировавших деревьев (умеючи их можно приготовить так, что пальчики оближешь). Всяких квасов да медовых сбитней – хоть залейся. Зато хмельного вина по чуть-чуть. У нас сухого закона нет, однако большинство себе не враги, понимают, что у трезвого больше шансов выжить.

Разносолов в Комплексе мало, но ради такого случая расстарались. А при взгляде на некоторые угощения становилось ясно, что маркитанты поделились, отблагодарив за помощь.

Мы с интересом разглядывали продукты в ярких упаковках. Да уж... умели предки подать товар лицом. В наши времена не до культурных изысков, это они с жиру бесились. Интересно, может, наши потомки будут жить хоть немного лучше, чем мы сейчас? Или человечество вымирает, как вымерли когда-то динозавры?

Будь проклята древняя война, которая принесла нам столько страданий!

Первый тост, как это положено, поднял отец. Он возвышался скалой над гостями, держа выточенный из дерева кубок с массивной ножкой.

– Друзья мои! Не все сегодня вернулись домой, пролив кровь на поле боя. Их смерть была лёгкой и красивой. Они жили как герои и умерли как герои, сражаясь! Господь призвал

к себе лучших из нас. Так выпьем же за упокой их душ и за то, чтобы мы тоже достойно встретили свой последний час!

Речь отца задела во многих нужные струнки. Ещё секунду назад мы были толпой, но после этих слов превратились в единое целое. Люди вставали с мест, поднимали кубки и пили до дна за тех, кого больше с нами нет.

Немного погода всё вернулось в прежнее русло. Теперь уже пили за победу, за то, что выжили, за тех, кто проявил себя. Тут и я попал под раздачу, когда выкрикнули моё имя. Отец притворно хмурился, но я видел, что он за меня рад, гордится отпрыском.

– Сегодня ястребок Нечай, показал, что он может сражаться не только в небе, – говорил дядька Аким. – Крошил кешайнов, как его батька, – он лукаво подмигнул отцу. – А предводителя в плен взял. Мой тост за Нечая! Честь и слава ему!

– Слава! – закричали с мест.

Я поднялся, чувствуя, что щёки становятся пунцовыми. Похвала дядьки Акима была приятна, но при таком скоплении народа я оробел.

– Ну, Нечай, скажи что-нибудь, – попросил дядька Аким.

Я низко поклонился.

– Спасибо вам, люди добрые! За слова ваши, за ласку... Постараюсь и впредь быть достойным общины.

И, понимая, что больше ничего путного не скажу, снова сел на лавку. Ох, непростое это испытание оказаться на виду у всех, даже если повод в высшей степени приятный. С меня семь потов сошло. Приятели, догадавшись о моих чувствах, пододвинули стопку со сбитнем, я махнул её не глядя. Ничего, сегодня можно. Скоро стемнеет, и полетов больше не предвидится.

Аппетит после выпитого разыгрался не на шутку. Я наложил в свою миску побольше вкусных кусков из разных блюд и стал набивать желудок.

– Что, на хвачик пробило, Нечай? – хихикнул кто-то из своих.

– Ещё как, – признался я. – Целого фенакодуса сожрал бы.

Тут моё внимание привлёк пробиравшийся к столу отца ополченец. Я узнал его – он был приставлен к порубу, в котором теперь держали пленного кешайна. Подойдя к отцу, ополченец что-то заговорил, но отсюда не было слышно, о чём речь. Я хотел придвинуться поближе, даже привстал, но дядька Аким тут же усадил меня обратно.

– Не вмешивайся, Нечай. Не твоего ума пока дело.

– Как скажешь, дядя Аким. – Я подчинился.

А вести, судя по нахмурившемуся лицу бати, были нерадостными. Таким суровым я его давненько не видел. Наверное, с того раза, когда меня в заложники брали, а это случилось пятнадцать лет назад. Что же за вести такие удалось узнать от кешайна?

Выслушав их, отец поднялся и зашагал в сторону темницы. Походка у него была стремительной, ополченцу пришлось бежать за ним вприпрыжку.

Тут и я не выдержал. Резво вскочил («Прости, дядя Аким, но так надо!») и припустил за отцом. На пути то и дело наткался на подавальщиц, один раз чуть не опрокинул тётку вместе с подносом. Извинившись, побежал дальше. Но разве за отцом угонишься!

Его спина мелькнула в коридоре и исчезла, а мне преградил дорогу часовой. Им оказался злополучный Чубарь. Я был прав, ничего с ним не случилось, парень был в полном порядке, вот только злился на меня, как на тысячу нео.

– Куда прёшь?! – зло рявкнул он.

– Пусти, Чубарь! Я за отцом.

– Не велено, – покачал головой ополченец и выставил вперёд остриё меча.

– Чубарь, с ума не сходи. Пусти, по-хорошему...

– Сказано тебе – нельзя. Приказ такой. А будешь лезть, кишки выпущу. Не посмотрю, что ты у нас герой.

– Что, завидки берут?

– Дурак ты! Я своё ещё возьму. И тебя на следующем Кругу свалю. Ей-ей! Но пропустить не имею права. Понял?

– Ладно, – согласился я.

Не похоже, чтобы Чубарь соврал. Наверное, и впрямь получил приказ.

На пиру играла музыка. Маленький оркестрик старался вовсю. Мелодия будоражила кровь, ноги сами срывались в пляс. Я не заметил, как буквально был вытаскен из-за стола, как попал в тесный круг названных братьев. Я смотрел на их радостные лица, заражался их безудержным весельем. Что-то дикое, первобытное снова пробуждалось во мне. И не было дела, что пир вполне мог быть последним и впереди нас ждала лишь война. Пожили относительно спокойно, так ведь покой не вечен и рано или поздно должен был завершиться хорошей дракой.

Музыка всё сильнее завладевала телом, я растворялся в навязчивом ритме, отбиваемом барабанщиком, а тот и рад – лупил так, что стёкла дрожали.

Это был танец войны и мира, тех, кто вернулся, пришёл с победой. Не знаю, как он выглядел со стороны, но мне на это было наплевать. Победитель смешным не бывает.

Кровь во мне кипела, я выделял причудливые коленца, шёл вприсядку, потом подскакивал, ходил колесом, крутил сальто и выделял прочие акробатические кунштюки, всё сильнее отдаваясь во власть музыки.

Мелькали лица ястребков, ополченцев, гостей. Когда мелодия сменилась на более плавную, вступили женщины.

Меня как током ударило, когда я понял, что держу в объятиях Варю и мы медленно кружимся в чарующем танце.

– Мне это снится?

Она вскинула подбородок.

– Снится?

– Да. Как будто во сне.

Варя усмехнулась:

– Нет уж, сегодня спать я тебе не дам. Даже не мечтай! – И она прижалась ко мне всем телом.

Господи боже мой! Да откуда у женщин такая власть над нами?! Её слова обдали меня жаром, окончательно превратив мою волю в воск. Я полыхал от пальцев ног до ушей. Странная волна охватывала меня всё сильнее и сильнее, в висках бешено пульсировала кровь.

– Варя, ты... Ты...

– Что, Нечай?

– Ты самая красивая!

– Я знаю, Нечай, – хихикнула она, пряча лицо у меня на груди.

Я не понял, когда закончился этот танец, как мы, не таясь, покинули пир, как отправились к ней.

Изба, в которой она жила вместе с младшей сестрой (родители погибли три года назад), находилась неподалёку от крепостной стены Комплекса. Никто не смог бы нам помешать.

Мы оказались внутри, наедине, и свет померк для нас, а мир перестал существовать до самого утра.

Глава 5

Они уходили в полутьме, не оглядываясь на зубчатые стены некогда родных кремлёвских стен. Крепкий высокий мужчина, хрупкая женщина со спящим младенцем на руках... Всё их нехитрое имущество поместилось в двух вещмешках, болтавшихся за спинами. Много ли на себе унесёшь, отправляясь в изгнание? А много ли дадут взять с собой? Ладно, хоть оружие не отобрали.

Добрыня по сию пору помнил налитые гневом глаза дьяка из Тайного приказа. Будь у того воля – камнями да палками прогнал. Хорошо бояре в обиду не дали. Уж им-то было известно, что движет Добрыней. Не одобряли, конечно, но понимали. Где-то даже сочувствовали.

Двое пластунов, что выводили изгнанников за пределы крепости, держались чуть поодаль. Оба втайне надеялись, что бывший дружинник Добрыня вот-вот передумает и повернёт обратно, но чаяниям их так и не суждено было сбыться.

Добрыня упрямо шагал вперёд, крепко сжимая побывавший в десятках переделках меч. Цепкий взгляд дружинника обшаривал окрестности, не пропуская ни одной детали. Опасность может притаиться везде. Мелочей за пределами Кремля не существует. Кому как не Добрыне помнить об этом. Ведь сколько было хожено, сколько пролито крови: своей и чужой! Не раз и не два выживал только чудом. Но тогда спину прикрывали надёжные товарищи, такие же дружинники, как Добрыня.

И как паршиво, как плохо на душе, что теперь пути-дорожки разошлись навсегда!

Добрыня сделал выбор и был вынужден покинуть стены Кремля.

Его не знали и не заставляли, более того – измени он решение, передумай, поверни обратно – никто и слова бы не сказал, приняли бы в распростёртые объятия и попрекать не стали! Разве что тайный дьяк вконец обозлится, да наплевать на него! Невместно дружиннику на то обращать внимание!

Но Добрыня не мог предать тех, кто стал смыслом его жизни: красавицу Устинью и их малыша, Нечая. Потому и ушёл с ними.

Ребёнок безмятежно спал, не подозревая, что оставляет родной дом. Малыш видел сон про папу и маму. Малыш улыбался и шевелил ручками, тянулся всем телом, чтобы обнять могучую шею снившегося отца.

Нечай... Солнышко ненаглядное, сыночек, кровиночка родная!..

Любовь и вправду была нечаянной, нежданной. Добрыня раньше подумать бы не мог, что бросится в омут этой любви с головой, а когда вынырнет, будет слишком поздно. Для него, для Устины, Нечая...

Перед ним поставили выбор: либо Кремль, либо семья. Добрыня поступил, как подсказали сердце и душа. Думал недолго, вскинул гордо подбородок и сказал, что уйдёт с женой и сыном.

Ему не стали чинить препоны, хотя было жаль терять бойца, одного из лучших в дружине. Однако закон есть закон. Един для всех, без исключений. А если строг, так потому, что каждая строчка в нём жизнями человеческими написана. Нельзя иначе, время такое. На кону самый главный оплот Руси – Кремль, отступить больше некуда.

Троица изгнанников растворилась в темноте. Что ждёт их за горизонтом, какие опасности подстерегают, выживут ли...

Пластуны побрели обратно. Головы их были низко опущены. А самым понурым был пластун Вышата. Только что он потерял лучшего друга. И от мыслей об этом внутри всё саднило и переворачивалось...

– Ты что, Нечай? – испуганно спросила Варя.

От её слов я окончательно проснулся.

– Да так, ничего...

– А почему зубами скрежетал, про Кремль говорил что-то?

– Забудь. Сон приснился.

Я перевернулся на спину, Варя, воспользовавшись этим обстоятельством, взгромоздилась сверху и пристально уставилась глаза в глаза.

– Что за сон? Рассказывай.

– Дурацкий сон. Про то, как нас из Кремля выгнали, всю семью. Вернее, мать со мной за ворота выставили, а отец сам пошёл. Сказал, что своих не бросит, и добровольно в изгнание отправился. Вместе с нами. А его друг, пластун Вышата, провожал. Отец мне когда-то рассказывал, а вообще вспоминать об этом не любит. У него в душе обида на Кремль осталась по сию пору.

– А за что вас выгнали?

– Ты точно хочешь узнать? – спросил я.

Варя задумчиво прикусила губу и тут же кивнула.

– Отец был дружинником. Сражался храбро, Кремль защищал. О женитьбе даже не думал, но потом вышел указ князя «О потомках», и отца заставили взять себе в жёны Устиною – это моя мать.

– Что, так и заставили? – ахнула Варя.

– Заставили. Я же сказал – княжеский указ.

– А зачем заставили?

– Раньше дружинников мало было. Ну, до того, как на поверхность вышли... Когда окончательно на земле закрепились да столкнулись с кучей врагов, стало ясно, что дружина потребует большая. От дружинников чаще всего мальчишки рождаются, вырастают такие же высокие и сильные. Вот отцу и приказали жену взять.

– И что потом?

– Ты слушай, не перебивай. Стали, значит, они вместе жить, причём не абы как, а душа в душу. Отец сам не заметил, как влюбился, хоть жена и навязанной была.

– Ничего себе! – изумилась Варя.

– Ага. В жизни всякое бывает. Потом мать понесла, через положенный срок роды, и вот тут-то выяснилось, что мать у меня порченая...

– То есть как порченная?! – не поняла Варя.

– Мутантом оказалась. До родов эта её особенность будто спала, ничем себя не проявляла. Никто и подумать не мог. А когда схватки начались, бабки-повитухи чуть с ума не сошли. Мать такое устроила: всё в щепки разнесла, мебель по комнате летала, стёкла вдребезги, посуда медицинская в хлам... Дар у неё был. Или проклятье... Могла предметы двигать усилием воли, вот только не контролировала себя, всё спонтанно получалось. Монахи в Кремле испугались, что я, будучи рождён от мутанта, вообще монстром стану. Вот и решили выгнать и мать, и меня, пока не поздно. Так в Кремле принято.

– Наверное, это жестоко, – задумчиво протянула Варя.

– Иначе нельзя. Представляешь, какая на них ответственность?! Пока стоит Кремль, стоит и земля русская!

– Знаешь, я бы хотела посмотреть, какой он – этот Кремль, – мечтательно произнесла девушка.

– Я тоже, – вздохнул я.

Внезапно послышался стук в двери. Варя поспешно накинула на себя одежду и подошла к входу.

– Кто там?

– За Нечаем я. Его срочно к старосте требуют, – за порогом раздался до боли знакомый голос ястребка.

Варя прыснула и тут же смущённо зарделась.

– И откуда всё только знают, – пробурчал я, одеваюсь.

Хотя, что тут гадать. Все видели, как мы с Варей танцуем, ну и сделали соответствующие выводы, когда в казарму ночевать не явился. Комплекс есть Комплекс. На одном краю чихнут, на противоположном «будь здоров» скажут. Чмокнул Варю в щёчку (начну в губы целовать – на аркане потом не оттащишь) и на улицу.

Пока шагали, гонец поведал последние новости: отец собирает у себя совет, обсуждают какие-то важные сведения, полученные от пленного кешайна.

– Баят, что долго не говорил, собака узкоглазая! Пришлось нашим грех на душу взять – пыткой заняться.

Меня это известие не шокировало. Пытки, конечно, не по-христиански, но что поделаешь, если иначе язык не развязать? Был ещё и моральный фактор. После того, что кешайны сделали с Пойменским, я бы и сам к этому уроду с раскалённой кочергой пошёл. У меня на их братию вырос конкретный зуб. Пока не отомщу – не успокоюсь. А грехи... считать некогда. Одним больше, одним меньше – хрен с ним! Авось, батюшка в церкви отмолит.

На совет собрались все свои, лица знакомые. Кого я могу здесь не знать? Людей в Комплексе не так много. И дядька Аким пожаловал, и сотники от ополченцев («сотник» – громко сказано. В действительности у каждого под командованием бойцов сорок – пятьдесят, но, согласитесь, «сотник» звучит куда солидней, чем «полусотник»). Даже от маркитантов гость пожаловал. Лысую голову Буца я бы узнал из тысячи. Оружия при нём не было, но вот кирасу маркитант снимать не стал. Наверное, после нападения на обоз и спал в ней, горемычный.

Обычно меня на подобные мероприятия не приглашали. Не по чину, хотя я вроде считаюсь главным из воздушных разведчиков. Разве что ставили задачу по итогам. Интересно, почему сегодня отец изменил правилам? Явно какой-то расчёт на меня, на ястребков.

Я скромно приютился в уголке. Особо не отсвечиваю, зато вижу всех прекрасно.

Отец убедился, что все в сборе, и заговорил.

– Плохие новости. Пленный сказал немного, умер, но и того, что узнали, достаточно. А еще кое-что гости наши подсказали. В общем, беда. Ночью на допросе пленный показал, что мы лишь столкнулись с передовым отрядом огромного войска, настоящей орды. Нового врага зовут шайнами, они вооружены не хуже нас и умеют драться. Думаю, вчера мы в этом убедились. У них большая и обученная армия, в которой есть вышколенная пехота и отнюдь не только с луками и стрелами, имеются пищали, конница, передвижная артиллерия. Но главное, на их стороне подавляющее многолюдство. Они и в науках сильны. Многие воины-шайны были выведены специально. К примеру, тело вчерашнего пленника напоминает тело ящерицы или крокодила – оно почти полностью покрыто чешуёй, разве что лицо кажется нормальным.

– Люди ли это? – подался вперёд дядька Аким.

– Люди, – подтвердил отец. – Непохожие на нас, но люди. Они пришли с востока. Их много, целые полчища. Их шаман сумел приоткрыть купол, пропустив отряд разведчиков, с которыми мы вчера сражались. Шайны никогда не бросаются в атаку сломя голову, они долго и дотошно собирают сведения и лишь на их основании планируют операции.

– Умные гадёныши, – хмыкнул дядька Аким. – А Пойменское с чего пожгли и с маркитантами схлестнулись?

– Пленник говорит, что основную часть задания они выполнили, сведения собрали. Гонцы отправились в штаб со сведениями, а остальные воины решили порезвиться. Заодно и пограбить. Дальше не очень ясно, но Пойменское им помог захватить один-единственный разведчик. А как – не спрашивайте. Не знаю.

– Не может быть!

– Может, – вставил Буц. – Доходили до нас неясные слухи. Еще прозываются эти разведчики странно. Ассасины.

– А ну, обскажи подробнее, – велел отец.

– Ассасин – шайн, прошедший особое обучение. Он способен подкрасться к тебе вплотную, но ты ничего не заметишь. Мы не очень верили, но, похоже, в чем-то те слухи верны.

– Что же вы раньше молчали об этих... шайнах? – с укором спросил отец.

– Мало ли какие слухи ходят? Люди рассказывают нам то, что видели и слышали, а мы за это платим. Но многое так и остается слухами. Сами знаете, как рождаются легенды на пустом месте. Говорили, будто шайны появились за МКАДОМ недавно, даже успели создать о себе определенную репутацию, но реально их пока никто не видел. Оказывается, правда. Надо будет разузнать побольше, специально народ в разных местах порасспрашивать...

– Надо. Но, как мы поняли слова пленного, шайны решили окончательно подмять всех под себя, – удовлетворившись ответом Буца, сказал отец. – Готовится вторжение. Орда вторгнется со дня на день. Тех, кто не покорится, уничтожат. Те, кто сложит оружие, станут рабом до конца дней. И живые позавидуют мёртвым. Так заявил пленник. И у меня нет оснований ему не верить. Поэтому я и вызвал всех вас, чтобы принять решение.

На недолгое время в палате повисла тягостная тишина. Первым разорвал её дядька Аким.

– Насколько велика их армия?

– Пленный не знает точного количества воинов, но говорит, что их тьма, полчища, – угрюмо сказал отец. – Они как саранча снимаются с места на место и оставляют после себя только разор и пепелище. То, что мы видели в сожжённом дотла Пойменском. И я не хочу, чтобы нас ждала такая судьба!

– Тогда что будем делать? – спросил дядька Аким. – Куда ни кинь – везде клин. Ополчения у нас сотни три наберётся, даже меньше. Ну, можем народ мобилизовать: мастеровых, колхозников... баб опять же, иная ведь любого мужика за пояс заткнёт, пацанов, что оружие в руках удержат... Сколько получится? Тыщи три? Так это войско после первого серьёзного боя уполовинится, а второй и вовсе не выдержит. А если в осаду нас возьмут? Ну, месяц мы выстоим, два, если запас подготовим хороший. Потом мор пойдёт, еда закончится, друг дружку жрать начнём.

– Ты к чему клонишь, Аким?! – нахмурился отец. – Предлагаешь сдать Комплекс?

– Сдать?! Ты же сам говорил, что мертвецам завидовать станем. Нет уж... Я лучше в бою сдохну, но рабом не стану.

– Тогда что, Аким? Я и без тебя эти расклады понимаю. Делать-то что будем?

– В Кремль идти надо за подмогой. В ноги князю упасть. Там есть дружина, войско умелое, храброе. Да что тебе говорить, Добрыня! Сам лучше меня знаешь!

– В Кремль... – протянул отец. – Думаешь, придут они нам на помощь?

– А ты сам посуди. Взяв Комплекс, шайны ведь не остановятся, дальше пойдут. Не приведи Господь, перед стенами Кремля встанут. Так может, оно лучше на подступах врага встретить, тут укорот дать?

Отец отрицательно мотнул головой.

– Оно, может, и лучше, вот только...

– Брось, Добрыня. То, что тебя в Кремле обидели, мне и людям ведомо. Но сейчас к нам пришла беда неминуемая. Нужно закрыть глаза на обиды, вспомнить, что ты – староста, что в ответе за тысячи жизней. Решай, Добрыня. Нам без Кремля не справиться. Я своё слово сказал. – И дядька Аким вновь откинулся на резную спинку стула.

– Ещё будут мнения? – отец обвёл взглядом собравшихся.

– Кхм, – вскочил с места один из сотников. – Дозволь мне молвить!

– Говори, Федот, – разрешил отец.

– Аким верно сказал. Без Кремля нас сомнут. Нужно у них помощь просить. Князь милостив, поймёт. И ты обиды забудь, староста. От всего мира прошу.

Отец побагровел.

– На обиду мне плевать! Что было, то былём поросло!

– Тогда чего ж ты, староста?! – вскинулся дядька Аким.

– Да того! Времени у нас в обрез. Гонца худо-бедно доставим. Одиночка или маленький отряд незаметны, у них больше шансов на то, чтобы к Кремлю прорваться. Я это по себе знаю. Другое меня гложет: Кремль ведь тоже в постоянной осаде. То одни враги на него идут, то другие. Князь наши резоны поймёт. В этом я не сомневаюсь, но... сможет ли дружина к нам прорваться без потерь?! Столько ловушек по пути, столько врагов... и каждый зуб на кремлёвских точит. Если дружина до нас доберётся – много ль останется в ней дружинников? Вот в чём вопрос, – задумчиво закончил речь отец. И добавил: – Имейте в виду, большой отряд сюда не пошлют в любом случае. Воины Кремлю на стенах необходимы. Два-три десятка по максимуму. Погоды реально они не сделают. Разве что народ увидит, что в нашей войне мы не одиноки. И это в лучшем случае.

Собравшиеся придвинули стулья, засовещались. До меня долетали отголоски их споров.

Я был согласен с отцом. Каким бы крупным ни был отряд, а крупным он быть не может, шансы дойти до нас у него малы. Желаящие свести счёты в очередь встанут. И это я не говорю о всякого рода гнойниках и ловушках. Народу положить можно уйму, а для нас каждый боец на вес золота. Особенно, если это кремлёвский дружинник. Наши ополченцы им не чета, что есть, то есть.

– Но даже три десятка воинов – подмога, – возразил Аким. – А может, и больше прислать смогут.

– Не смогут, поймите же вы! Они постоянно живут в осаде, ни одного лишнего человека нет. Выслать сюда отряд, кто Кремль защищать будет? Захватят же нео. Это у нас здесь, можно сказать, рай. Там за стены только с боем и выйдешь. Да и путь сюда... Вы знаете, сколько на нем ловушек, уже не говорю о неизбежных схватках с теми же нео. Все два десятка полечь могут.

– Я знаю, как можно доставить отряд из Кремля. Потери будут, но минимальные, – вдруг произнёс Буц.

Все дружно замолчали и уставились на него.

– Говори, – приказал отец.

Глаза у маркитанта забегали взад-вперёд. Он с опаской покосился по сторонам.

– Скажи, Добрыня-староста, всем ли тут собравшимся ты доверяешь? – вкрадчиво произнёс Буц.

– Как самому себе, – кивнул отец. – От этих людей у меня секретов нет.

Я мысленно усмехнулся. Как же, нет! Имеется, к примеру, у нас в ангаре один секрет, да такой, что всем секретам секрет! Думаю, из всех собравшихся о нём разве что отец да пара-тройка сотников в курсе.

– Хорошо, – согласился маркитант. – Торговля – это торговля. Есть прибыль, но есть и риск. Умный торговец постарается свести этот риск к минимуму... или заложит такую прибыль, что она перекроет все мыслимые или немыслимые риски. Но это в идеале. Маркитантам тоже дорога своя шкура, и гибнуть просто так никому не хочется. Потому есть у нашего клана одна тропка... потаённая... Аж до самого Кремля идёт. Она, само собой, небезопасная (а где можно безопасное место найти?!), но шансы благополучно попасть в Кремль

и обратно по этой тропке весьма велики. Мы её никому не светим, да и сами пользуемся раз в год, а то и реже. Думаю, пройдёт по ней дружина.

– И что, твои соплеменники позволят тебе эту тайную дорогу показать? – удивился отец.

– При других обстоятельствах вряд ли, – вздохнул Буц. – Но времена изменились. Если орда шайнов вторгнется, то сначала она истребит вас, а потом и до нас доберётся. Мы их породу примерно представляем. Так что в наших интересах вам помочь. Торговля без покупателей не торговля. Да и без продавцов тоже. Воинов не дадим, их у нас мало, а вот насчёт оружия что-нибудь придумаем, но не безвозмездно.

Буц заулыбался.

– Ты правду говоришь? – строго посмотрел на него отец.

– А какой резон врать? Мы все под один замес угодим. Надо выкручиваться. Мне моя башка дорога. Хочу, чтобы она при мне была как можно дольше.

– Верю, – мрачно буркнул отец. – Тогда у меня к тебе следующий вопрос: ты нашему гонцу эту дорогу покажешь, чтобы он до Кремля быстрее добрался и подмогу привёл?

– Гонцу?! – поморщился Буц. – Нет, это бесполезно. С гонцом пойдёт мой человек. Он и покажет дорогу, но сделает это только в Кремле. А туда надо добираться другим путём. Нельзя раньше времени к тайной тропе внимание привлекать. Осталось ещё одно выяснить: кто с вашей стороны в Кремль отправится.

– Он, – сказал отец и показал кивком на меня.

Я смущённо заёрзал на месте и, не выдержав, вскочил.

– Нечай?! Твой сын?! – вскинулся маркитант.

– Да.

– Он ведь ястребок... На крыле летает.

– Именно, – подтвердил отец. – Только он с твоим проводником не на крыле полетит.

– А на чём? – ошарашенно спросил Буц.

– На «Горыныче», – догадался я и внутренне усмехнулся.

Вот и пригодился наш секрет, спрятанный в ангаре.

Глава 6

Наступило утро нового дня. Ночь я, уже не таясь, провёл с Варей, и теперь она отправляла меня в путь-дорогу уже как настоящая жена. Поспать удалось всего ничего, но сонливость как рукой сняло, когда Варя обняла меня и поцеловала, перед тем как я шагнул за порог.

– Я знаю, ты вернёшься! – твёрдо сказала она.

– Даже не сомневайся, любимая! Нет на свете такой силы, которая меня остановит на пути к тебе.

– Только ты всё равно береги себя. – Она трижды перекрестила меня по старинному русскому обычаю. – И ещё, – она вдруг смущённо замолчала.

– Что, Варя?

– Возьми, тебе пригодится. Это, почитай, наша семейная реликвия. – Она протянула мне непонятный предмет, в котором я не сразу опознал шприц-тюбик.

– Что это?

– Регенерон. Такая штука...

– Я знаю, – прервал я её. – Но она же дорого стоит.

– Неважно. Если будет совсем тяжело, прими. И вернись целый и невредимый.

– Вернусь.

Простившись, я пошёл в ангар.

«Горыныч» был хорош, как и полагается настоящей боевой машине. Выкрашенный в защитный цвет, с готовыми в любую секунду рассечь воздух металлическими лопастями пропеллера. Основным его оружием во времена отдаленные были бомбы, однако во второй кабине нашлось место для пулемета ШКАС. Кстати, действующего до сих пор. Между прочим, скорострельность его доходила до тридцати пуль в секунду. Потому и не использовали мы его никогда. Держали до самого крайнего случая, такой прожорливый монстр только на один раз бы пригодился, когда совсем припечёт.

После небольшой проверки выкатили самолёт из ангара (а чего напрягаться? Вес «Горыныча», а вернее биплана «У-2» без нагрузки меньше тонны – не считая движка, всё остальное фанера да полотняная обшивка).

Для взлёта биплану требовалось двести метров разбега. На территории Комплекса столько свободного места не найти, пришлось катить крылатую машину за ворота, ставить против ветра. Техническую команду, составленную из ястребков и нашего мастера на все руки по прозвищу Механик, сопровождало отделение ополченцев, вооружённых пищалями. А вот как и где садиться, мне не думалось. По словам отца, на площадь перед Кремлем не сядешь, нею немедленно в плен захватят, а есть ли хоть одна свободная площадка внутри крепости? Но пока главным казалось долететь. В крайнем случае, можно вымпел сбросить. Отец уже расписал в нём нашу ситуацию. Снижусь, сброшу, а потом иначе в Кремль попытаюсь добраться. Ничего, доходили люди и пешим ходом.

Стоило только биплану оказаться за пределами ангара, как вокруг скопилась толпа зевак. Большинство прежде не подозревало, что в Комплексе помимо дельтапланов ещё и такой образец ВВС, причём поддерживавшийся в идеальном состоянии.

Под колеса У-2 подложили деревянные козелки, которые должны удержат самолет при пробе мотора на месте. Народ шумно комментировал происходящее, но, слава богу – не мешал.

Когда-то на корпусе красовалась латунная сверкающая табличка, гласящая, что этот летательный аппарат принадлежит частной коллекции некоего Вячеслава Жука. Видимо, богатый был человек, раз мог позволить себе такую игрушку. «Олигарх», – сказал разбиравшийся в этом вопросе Механик.

С этим У-2 всё сложилось на редкость удачно. Самолёт не пострадал во время Последней Войны, на складе, где мы его обнаружили, нашлись запасы горючки и масел, даже патронов к двум пулемётам был полный комплект, что несколько странно, ведь до войны законы не позволяли людям держать на дому автоматы с пулемётами. Очевидно, олигархи относились к тем, кому закон не писан. Ну, и главное везение заключалось в том, что мы нашли лётное наставление по управлению «У-2» – пухлый томик с большим количеством разноцветных картинок и фотографий. Это делало процесс обучения весьма наглядным. Инструкция хранилась в спецконтейнере, потому время оказалось над ней невластным. Когда я впервые взял её в руки, почудилось, будто она только что напечатана. Помню, как с наслаждением вертел инструкцию в руках, аккуратно переворачивал страницы и вдыхал запах типографской краски.

Этот томик я изучил от корки до корки. Отец с самого начала готовил меня в пилоты для столь своевременно обнаруженного «Горыныча» (прозвище, кстати, я придумал). Это было наше самое грозное и тайное оружие. Этаким последним шансом. Не хрупкий дельтаплан, настоящая боевая машина. Конечно, теория без практики мертва, но сегодня выпал случай попрактиковаться и второго уже не будет.

Как следовало из наставления, ничего сложного в управлении У-2 нет. Он «прощал» неумелым лётчикам многие ошибки и вообще был основным учебным самолётом в советских ВВС (так было написано в инструкции). Агрегат было невозможно ввести в штопор: если лётчик отпускал рули управления, самолет начинал плавно планировать и, если внизу оказывалась ровная поверхность, мог самостоятельно (!) сесть на нее. На этом список достоинств чудо-самолёта не заканчивался. У-2 мог садиться и взлетать с крохотного «пяточка». Обладал низкой скоростью и поэтому мог летать на небольших высотах, не рискуя при этом врезаться в дома, холмы, деревья.

Механик снова поколдовал в моторе (он уже перебирал его раз пять, все узлы вызубрил наизусть), повернул ко мне чумазое лицо и поднял большой палец правой руки:

– Всё тип-топ! Двигатель будет работать, как часики, – зуб даю.

Мне от его зуба проку мало, но в словах Механика сомневаться не приходилось. Дело он знал туго, чинил любую технику.

– Значит, всё в порядке, можно лететь?

– Погоди малость, ещё одну хреновину прикреплю.

Он полез в пилотскую кабину. Разглядев, что находится у него в руках, я понимающе кивнул. Механик собирался приладить не входивший в конструкцию самолёта, но при этом крайне необходимый при наших обстоятельствах «прибор» из мутировавшей берёзы. Этот самодельный «дозиметр» помогал обнаруживать и обходить опасные участки. Принцип действия был прост: когда древесина из желтоватой превратится в пульсирующий багровым стержень, пора «делать ноги».

Я тем временем занимался вооружением: притащил из ангара цинк, на котором имелась надпись “ШКАС” и был изображен красный пропеллер, открыл его и принялся загружать в патронный ящик, крепившийся на фюзеляже, ленту с тремя сотнями патронов. Затем подготовил четыре штатных магазина для ДА. От рукокрылов, попадись они в небе, отобьёмся! Любой твари летучей прикурить дадим!

Подошёл дядька Аким, встал рядом, задумчиво почесал затылок:

– Гляди-ка штука какая! Не знал бы, в жизни бы не поверил, что у нас такая имеется. Как ты её назвал – Горыныч?!

Я кивнул.

– Сказок наслушался?

– Не без того, дядя Аким.

– Чего ж столько терпели, раньше её не задействовали?

Я развёл руками:

– Отец не велел. Говорил, что придержим на самый крайний случай... Когда так подопрёт, что выбора не останется. У нас ведь горючки на один полёт и патронов на один бой...

– Теперь, значит, припёрло, – вздохнул он.

– Припёрло, – согласился я и сменил тему: – Что с пленным кешайном сделали?

– Что ещё с ним можно сделать, после того, что он в Пойменском натворил? Всё, что могли, вывели, и того... в расход. Дело житейское.

– А он и вправду на ящерицу был похож?

– Именно, что был. А так – похож. Только хвоста нет и голова человеческая. Но, сказывал, есть и такие, которых и вовсе от крокодила не отличить. И чешуя на них, как броня. Хрен ножом дырку проковыряешь.

Я похлопал по пулемёту:

– Дерьмо вопрос! Из него я бы дырок в них навертел.

– А много ли у нас таких? – грустно усмехнулся дядька Аким.

– ШКАС один, но, может, маркитанты ещё чего-нибудь подкинут. Вчера обещали.

– Вчера обещали, сегодня передумали. Ты что – маркитантов не знаешь?

Внезапно в пространство между нами втиснулся новый, дотоле виденный мною лишь мельком субъект. Был он широкоплечим, поджарым, с выцветшими бровями на смуглом малоподвижном лице. Одет в полинявшую «афганку» с разгрузкой, на голове плотно угнездились выгоревшее на солнце кепи, на ногах покрытые густым слоем пыли берцы. За плечами болталось «весло» АКМ с ободренным прикладом, к чёрному кожаному ремню с латунной пряжкой, обхватывающему пояс незнакомца, крепился классический советский штык-нож.

– Кто тут маркитантов словом неласковым поминал? – глухим басом поинтересовался незнакомец.

– Допустим, мы, – расслабленно протянул дядька Аким. – А ты, добрый человек, из каких будешь? Не из них ли, часом?

– Часом из них. Потому и заинтересовался.

– Понятно. Ну, прости, коли что не так, – с наигранным смирением произнёс дядька Аким.

– Дерьмо вопрос. Так вроде вы только что сказали. Будем знакомиться.

Незнакомец протянул руку:

– Вася... просто Вася. Проводник я, меня Буц прислал.

– Нечай, – представился я, пожимая крепкую пружинистую ладонь «просто Васи». – Буду гонцом к Кремлю, ну и пилотом этой ласточки, – я ласково похлопал по крылу Горыныча.

– До самого Кремля? – хохотнул маркитант, вызывая этим смешком неожиданную симпатию.

– Может, и до Кремля. Я не против. Еще бы обратно вернуться не против.

– Да кто ж против будет, кроме шайнов, – снова заулыбался Вася. – Только им ведь знать ни к чему. Когда вылет назначишь, командир?

– Да как только Механик добро даст, так сразу и полетим. Тебя вот дожидались.

Услышав своё прозвище, Механик вынырнул из пилотской кабины.

– Заканчиваю. Ещё минута – и всё.

– Минута? Потерпим, – сказал я.

На моём боку висел коричневый офицерский планшет, в нём хранилось самое ценное – письмо от отца для кремлёвского князя. На всякий случай, меня заставили выучить его наизусть.

– У тебя как с оружием, Нечай? – поинтересовался Вася.

– Ни хрена себе вопрос! Пулемёта тебе мало? – удивился я.

Правда, пулемет находился во второй кабине, и воспользоваться им я бы не сумел при всем желании.

– В небе, наверное, в самый раз. А на земле?

Я показал меч. Можно было бы и пицаль с собой взять, да я передумал. С ней больше возни, чем толку. Одно зарядание с ума сведёт. С мечом сподручнее.

– Ясно, – вздохнул Вася. – Я скоро. Ты, главное, без меня не улетай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.